

Кае де Клиари

Колдовской замок
Часть V. Интермеццо, интермеццо

18+

Кае де Клиари Колдовской замок. Часть V. Интермеццо, интермеццо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29180449

SelfPub; 2019

Аннотация

Коррида и инквизиция, ведьмы и драконы, гангстеры и духи отрицания, притворяющиеся людьми, это и многое другое подхватило Анджелику, погрузило в свой невероятный мир и сделало его составной частью, изменив её физическую, но не духовную сущность. Более того, теперь несколько миров вращаются вокруг неё и их жизнь во многом зависит от скромной девушки, которая никак не может понять, от чего её называют принцессой. Но это не значит, что у этих миров нет своей собственной жизни, а у друзей нашей героини своих отдельных судеб и приключений. Конечно, всё это у них есть, да ещё какое!

Содержание

Глава 1. Доброе утро, дружище!	4
Глава 2. Мне не дано пряхсть!	23
Глава 3. Первые шаги «благородных гангстеров»	29
Глава 4. Рассказ Фиголини Фиглориуса по прозвищу "Граната – Фигольчик"	39
Глава 5. Рассказ благородного гангстера Быковича по прозвищу – Малютка Телёнок.	52
Глава 6. Интермеццо Драси. Интермеццо первое – сквозь миры, влагу и пламя	63
Интермеццо второе – деревянный дракон и сага об Ангелинде	77
Интермеццо третье – фьорд, Анхеллинда и непосильный труд	88
Интермеццо четвёртое – подвиг и награда.	100
Интермеццо пятое – вагры.	112
Интермеццо шестое – тропа Одина.	128
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Глава 1. Доброе утро, дружище!

– Хрум, хрум, хрум! Хряп! Мням! Урмф! Фрр! Лям! Хрум, ням, хряп! У-уф! Давно не ел такой вкуснятины! Ты, как там? Спишь? Ну, спи-спи, ладно! Тебе всё равно не понять!

Совершенно голый человек, прикрытый вместо одежды свежесорванной травой и листьями, лежал в неглубокой тёплой луже. Услышав, обращённые к нему слова, он приподнял тяжёлую голову с раздувшейся красной физиономией, заросшей густой щетиной, но тут же уронил её и зажмурил непривычные к яркому свету глаза.

Свежий, пряный, травяной дух бил ему в ноздри, будил в мутном, путающемся сознании, какие-то подозрительно знакомые, но совершенно непонятные образы, которые никак не могли собраться в, более или менее стройную картину. Измученный мозг отказывался объяснять реальность, которой, по здравому рассуждению, быть не могло, и человек решил, что лучше над этим совсем не задумываться. Проще воспринимать всё таким, как оно есть.

Вот на пригорке, рядом с лужей, в которой, кстати, так тепло и приятно нежиться, *(не хуже чем на тюках с шерстью, где-нибудь на складе ткацкой фабрики, пока охрана не видит)*, на том пригорке, о который он не так давно приложился, упав с неба, *(хоть это и невозможно, но так оно*

и было), короче, совсем рядом, стоит его хороший приятель, (которого он от чего-то спас, а может быть наоборот, который сам от чего-то спас его), вобщем, он там стоит на четвереньках и с таким аппетитом хрумкает самую обыкновенную траву, что завидки берут!

Нда... Это ещё что! Тут недавно, толи приснилась, толи привиделась зелёная драконья голова в очках и другая, золотистая, из пасти которой струился конический луч синевато-белого пламени, окутавшего его с головы до ног, но почему-то, пламя это не обжигало, а наоборот приятно щекотало и успокаивало жуткую боль во всём теле.

А еще, после того, как боль прошла, и удалось разлепить склеившиеся веки, к нему подошёл, какой-то мужик, здоровенный, как... *(Как коп, из тех, что всю жизнь пребывают в младшем чине, тиранят людей, что послабее, и ничуть от этого не страдают.)* Только этот был не толстый и не грубый, а приветливый и почему-то полуголый, в одних штанах, и сложен как цирковой борец, только кожа слишком белая. Никогда он раньше этого мужика не видел, а тот поздоровался с ним, вежливо так, будто со старым знакомым! Здравствуйте, говорит, падре Микаэль, как вы себя чувствуете? А почём он знает, как он себя чувствует, если вообще чувствует себя еле-еле? И кто ещё такой этот падре Микаэль?

Бац!!!

– Ой! Ах, ты так? Ну, получи!

Тресь!!!

– Вуй! Всё, теперь держись!

Грох!!! Бум!!! Шлёп!!! Шмяк!!!

Опять сцепились два этих колобка, похожих друг на друга, как картофелины в овощной лавке! В той самой лавке, где всегда можно было заработать пару центов за разгрузку кроличьего корма, которым там торгуют. Ясное дело, что это не еда для настоящего мужика, но когда живот завывает от голода, то пара тощих морковин во рту, всё же лучше чем запах самого шикарного жаркого из кухни, куда тебе нет ходу!

– Это тебе за Умника!

Дрызнь!!!

– Это за Глупника!

Бумс!!!

– Это за гёзов! Это за испанцев! Это за мафию! А это, за всё остальное!

Теперь один из колобков сидел на другом верхом и с чувством лупцевал его по физиономии. Человек в луже знал, что произойдёт дальше. Точно! Невесть откуда появился розовый крыс в очках, и, встав на задние лапки, стал отчитывать дерущихся с видом школьного учителя, заставшего своих учеников во время потасовки. Оба кругляша почему-то сразу его послушались и разошлись в разные стороны, потирая синяки и шишки. Такая сцена повторялась уже пару раз, и он знал, что некоторое время будет тихо.

Крылатая тень на мгновение заслонила солнце. Ага, значит, зелёный дракон ему не приснился! (Если только не сон

все, то, что видится прямо сейчас.) Похоже, что сказочный монстр заходит на посадку, а ещё, кажется, что у него в пасти зажато что-то большое. Интересно, что это?

Человек проследил глазами за летящим созданием, и даже опять немного приподнял голову, но дракон уже скрылся за зелёным холмом. Лежать дальше без движения, вдруг сразу надоело. Захотелось встать во весь рост и пойти посмотреть, что там за холмом, да и вообще, что делается вокруг. А, в самом деле, куда его занесло? И ещё, кто он?

– Кто я? – пробормотал человек, уронив голову обратно на подушку из травы и мха.

Приятель, угощавшийся травой в двух шагах, по-видимому, его не слышал. Тогда человек сделал над собой усилие, пошевелил непослушными руками, затем опёрся на них и сел в своей луже, подняв небольшую волну, похожий на водяного облепленного водорослями и тиной.

– Эй, Мик! Ты чего? – раздался рядом обеспокоенный голос его травоядного приятеля. – Осторожней! Рано тебе ещё вставать, кости едва срослись! Мегги сказала, что...

– Я в порядке! – проскрипел человек, которого называли Миком, подымаясь во весь рост. – Хорошо, что ты назвал меня по имени, а то я кажется, его забыл. Слушай, ээ...

Он обернулся и застыл в полном изумлении. Прямо перед ним стоял большущий чёрный бык, улыбающийся во весь рот! Почему же тогда он был уверен, что разговаривает с давним знакомым, которого зовут... Нет, он не помнит, как

его зовут, но он точно помнит, что тот был человеком!

— Да я это, я! — сказал бык знакомым, слегка мукающим голосом. — Не узнал?

— Бы... Быкович?

— Это *там* я был Быкович, а здесь я просто Бык, так теперь меня и зови! Кстати, мне вот это барахло больше не нужно, а тебе ещё может пригодиться, твои тряпки мы, уж извини, сожгли!

Человек посмотрел в сторону, куда мотнул головой бык и увидел развешанную на кусте одежду. Это был полный костюм, по-видимому, выстиранный и вычищенный, но не глаженный. Он был далеко не новый, и даже весьма потрепанный, а местами дырявый, но ещё годный для носки, если над ним немного поработать. Беда заключалась в том, что в таком костюме поместились бы два Мика, и им не было бы тесно. Сшит он был точно — на быка!

Однако Мик не был привередлив. Он это знал о себе наверняка, хоть и не помнил, откуда и с чего он это взял. В общем, штаны пришлось основательно подвернуть, но даже так они застёгивались только под мышками. Пиджак вполне мог заменить плащ, что было даже хорошо, так как позволяло маскировать дыры в штанах, но застёгнутый нормальным способом, он напоминал колокол, так что пришлось его запахнуть, как халат и подпоясать найденным тут же обрывком верёвки. Хуже всего было с обувью. Пара ботинок, принадлежавших ранее Быку, точно были сшиты на его копыта. В

любой из них можно было засунуть обе ноги сразу, а ещё, наверное, это чудо башмачного дела пригодились бы в качестве люльки для младенца. Пришлось сварганить обмотки из обрывков сорочки и ещё какого-то хлама, который всё равно годился только на тряпки.

Прошло немного времени и возрождённый из непонятно-го состояния человек, по имени "Мик", был одет относительно сносно. Хотя при взгляде в естественное зеркало, (успокоившуюся после его выздоровления лужу), он оценил себя весьма самокритично. Пусть условности были соблюдены, и даже самая строгая леди из Армии Спасения не смогла бы уличить его в нарушении общественной морали, всё равно, все, на что он мог претендовать, это на роль огородного пугала, да и то не в самом приличном огороде!

Однако это его почему-то мало трогало. Здесь вообще всё настолько мало его трогало, что в голову закралась крамольная и грешная мысль: "А это случайно не рай?". Впрочем, ощущения были настолько реальными, что на "Рай" это было совершенно не похоже. По крайней мере, в раю не должно было быть физической боли, не говоря уже о драконах.

Впрочем, Мик был не настолько глуп, чтобы делать поспешные выводы. Рай это или не рай, какая разница? И то, что друг и приятель, которого он считал лучшим из людей, (за что именно, он опять же таки не помнил), оказался, на проверку быком, тоже не имело значения. Главное, что этот... Бык, был дружелюбен, приветлив и искренен, как настоящий

друг, и совершенно не злобен и не агрессивен, несмотря на свою очевидную физическую мощь.

Мик пригладил основательно редеющую, но ещё вполне сносную шевелюру, с неудовольствием провёл по небритым щекам, на всякий случай ещё разок умылся, и в общих чертах, остался доволен свершившимся преобразованием. Теперь предстояло решить, что делать дальше? Прежде всего, наверное, надо было прояснить ситуацию. Сделать это можно было с помощью вопросов: "кто?", "где?", "зачем?", "почему?", "когда?", "сколько?", и других в том же роде. Но кому их было задавать? Быку? Судя по всему, выбора у него не было, и потому он спросил у Быка:

– Кто я?

– Ты – Мик, хороший парень, но слишком ленивый, чтобы работать по-настоящему! – был ответ, сопровождаемый такой лучезарной улыбкой, что Мик "хороший парень", замотал головой.

– Ладно! – сказал он, непривычно напрягая мозг. – А кто я... А что я делал, ну,... до того, как попал сюда?

– А, ничего ты не делал! – был ответ. – Копался себе в отбросах, иногда подрабатывал там и сям, а по большей части отлёживал бока и разглагольствовал с теми, кто хотел тебя слушать.

– Разглагольствовал?

– Да! И ещё как! Все только и дивились, откуда ты так много знаешь, да почему ты такой умный при такой-то жиз-

ни!

– Вот как?

Мик наморщил лоб, но воспоминания толклись, где-то за запертыми дверьми, и, хоть стучались, словно жаждущие пьянчуги в закрытый каба́к, но пробиться сквозь наглухо замкнутые запоры не могли, и причиняли только головную боль.

Шарах!!!

Один из колобков выкатился из зарослей крапивы, растущей неподалёку. Его нос напоминал синюю грушу размером с кабачок.

– Это тебе за инквизицию! – выкрикнул второй, выскакивая оттуда же и потрясая кулаками. – Это за Ан, а это... ай! Хрр!

Тот колобок, что получал тумачи, вдруг встретил своего двойника метким ударом в живот, потом пару раз приложил его по физиономии, но развивать успех не стал, а пустился наутёк.

– Не обращай внимания! – промышчал над ухом Бык. – Они постоянно друг друга метелят. И как только не надоест? Я их разнимал поначалу, а потом хвостом махнул на это дело, пусть себе развлекаются! Но Анджелика говорит, что если так будет продолжаться дальше, то она их просто рассадит по разным островам, и всё тут!

– Анджелика? – спросил Мик, наморщив лоб. – А кто это?

– Наша принцесса! Но об этом долго рассказывать. Лучше

я вас просто познакомлю!

– П-познакомь, конечно. А вообще-то, где мы?

– Хороший вопрос! – сказал Бык, и его физиономия приобрела задумчивое выражение. – Да, вопрос, что надо! Только на него не может найти ответ даже профессор Прыск! Кстати, мы надеялись, что ты нам может быть, скажешь, что-нибудь по этому поводу, но если ты сам спрашиваешь...

– Я?

Мик был до того удивлён, что перестал обматывать правую ногу тряпками. – А я-то, с какой стати могу, что-то пояснять, если сам ничего не помню?

– В том-то и дело, что *не помнишь*!

Задумчивое выражение у Быка сменилось на загадочное.

– Здесь кое-кто думает, что провалы в твоей памяти случались не один раз, и ты позабыл не только одну ту жизнь, в которой я знал тебя, как Мика, славного бродягу и бомжа-философа!

– А что, я мог забыть несколько жизней?

В тоне Мика слышались нотки недоверия.

– По крайней мере, две! – был ответ. – Про одну я тебе только что сказал, а насчёт другой поговори лучше с принцессой или Драгисом.

– А это ещё кто?

– Её жених и будущий консорт, или я ничего не понимаю в этой жизни! Пошли, что ли?

Мик готов был признать, что он-то уж точно ничего не

понимает в "этой" жизни, но только пожал плечами и отправился вслед за Быком в сторону недалёкого холма.

Погода стояла чудесная. Было, по-видимому, ещё утро, но солнышко уже основательно приблизилось к полудню и начинало припекать. Они шли в высокой, в человеческий рост, траве, но это ничуть не стесняло Мика, так-как Бык протаптывал такую широкую тропу, что на ней свободно разошлись бы два человека. Вокруг стрекотали мириады невидимых насекомых, но вот чудо – ещё ни один комар не побеспокоил путников! Правда Бык всё время помахивал хвостом из стороны в сторону, а иногда и шлёпал им себя по бокам, но делал это скорее по привычке, чем по необходимости. Монотонное помахивание хвоста действовало усыпляюще, тем более что разговаривать было невозможно, и Мик начал клевать носом. Клевал он им до тех пор, пока не растянулся во весь рост, зацепившись ногой за корягу.

– Так дело не пойдёт! – прокомментировал это событие Бык. – Если ты расшибёшься, пока мы дойдём, меня за это по холке не погладят! Вот что! Полезай-ка ты мне на спину, только подложи чего-нибудь, да держись крепче, а то оттуда падать тоже не лучший вариант! Ничего, принцесса, когда-то удержалась и ты удержишься!

Седлом послужила кепка, которую Мик хорошо помнил по прошлой жизни, но саму эту жизнь почти совсем не помнил. Так, некоторые картинки. Вроде город. Большой, красивый, но мрачный, хоть и украшенный множеством огней.

И во всём этом городе, толи дыра, толи щель, почему-то до боли знакомая и родная! Его дом? Странно! Получше, что ли не нашлось? Но ему было вроде бы там уютно. А люди?

Большинство из них обходили его стороной, а ещё уводили и прятали от него детей. Иные смотрели с сочувствием и жалостью, но по большей части, брезгливо и презрительно. Редко кто из них останавливался, чтобы поговорить с ним, а те, кто на это решался, чаще всего упрекали, высмеивали, поучали, ругали и, что самое противное, советовали! Вот чего он терпеть не мог! Особенно от тех, кто заявлял, что с его жизнью "надо что-то делать"! И, конечно же, никто не мог толком сказать, что именно надо делать и с чего начинать!

Мик поймал себя на том, что и впрямь чуть было, не свалился со спины Быка. Воспоминания о прошлой жизни нахлынули внезапно, как иногда морская волна налетает на человека, идущего по кромке прибоя, и сбивает его с ног. Да! Всё это было! И Бык тоже там был, но он был другим! Он ходил на двух ногах, хоть и сутулился при этом. Он носил, не снимая, вот эту огромную кепку, и как-то, раз даже на мгновение перепугался, когда кто-то пошутил, что он скрывает под ней свои рога! А ещё он пил виски, как все порядочные люди, но закусывал только яблоками и морковью. И вообще никто не видел, что бы он ел мясо! Даже от фальшивых пирожков с начинкой из требухи, пополам с хлебными корками, (чудесный деликатес для тех, кто понимает!), отказывался, как от отравы!

Но мало ли на свете разных чудаков? Взять хотя бы его, Мика. Он не мог пройти спокойно мимо церкви, куда его бывало, не пускали, из-за неприличной и грязной одежды, но тогда он становился на колени на паперти и повторял всю службу целиком, да ещё на латыни! Многие удивлялись такому чуду, но большинство посмеивалось, не задумываясь над подобными пустяками! А вот почему так было, он сам не помнил. Он много чего не помнил, и очень хорошо чувствовал это...

– Приехали! Мик, слезай! Эй, ты что там, спишь?

По-видимому, он и впрямь задремал, убаюканный монотонным покачиванием на спине Быка, так-как не заметил, что они уже обогнули холм и вышли на берег, полого спускавшийся навстречу прибою. Мик заслонил рукой глаза, так ярко сверкали волны в лучах солнца, достигшего зенита. Именно поэтому он не сразу разглядел странную компанию, собравшуюся на берегу и глядящую сейчас на него. Зато, когда он, наконец, увидел всех присутствовавших, его уверенность в реальности происходящего пошатнулась, покачалась немного и рухнула! Теперь он окончательно решил, что всё это сон.

На морском берегу, как ни в чём не бывало, расположились два дракона, изумрудно-зелёный и серебристо-золотой. Компанию им составляли, странного вида мужик с могучими мускулами, но очень бледной кожей и розовый крыс в круглых очках, у которого было своё особое место на сере-

дине срезанной, неведомо чем, скалы, похожей на кафедру. Крыс, наверно, говорил речь, до появления Быка и Мика, и теперь застыл с открытым ртом. Драконы, похоже, что-то ели, но оставили свою трапезу, уставившись, во все глаза, на вновь прибывших. Мускулистый мужик только готовился к обеду, так-как перед ним горел крохотный костерок, и на нём жарилось нечто неопределённое, надетое на ветку. Немая сцена продолжалась не меньше минуты, после чего мускулистый мужик встал от своего костерка и, подойдя к Мику с Быком, заявил:

– Добро пожаловать, падре Микаэль! Угодно ли вам присоединиться к нашей трапезе?

В животе у Мика сразу заурчало, несмотря на то, что от костерка за милю несло подгоревшей рыбой. Бык отреагировал на всё увиденное презрительной гримасой и после того, как Мик слез с его спины, отправился к ближайшему пригорку, где росла сочная зелёная трава.

– Я, ета... благодарствуйте! – засмутился Мик, но, всё же, покосившись на драконов, подошёл к огню, над которым шипел и шкворчал кусок белого рыбьего мяса.

– Акулятина, – пояснил здоровенный мужик извиняющимся тоном. – К сожалению больше ничего съедобного здесь достать не удаётся!

В ответ на эти слова Бык насмешливо фыркнул, но ничего не сказал, а демонстративно захрумкал травой. Белый здоровяк снял с палки полупрожаренный кусман, разломил его

пополам и половину протянул Мику. Тот не заставил себя упрашивать и с наслаждением впился зубами в сочную мякоть.

– Здравствуйте, падре Микаэль! – прозвучал над ухом мелодичный девичий голос, но было такое впечатление, что девушка говорит через мощный усилитель.

Мик обернулся и чуть не выронил кусок акулятины. Перед ним стоял золотистый дракон, вернее, судя по голосу, это была драконесса!

– Вы меня не узнаете? – спросила она, немного странным тоном, в котором слышались нотки тревоги и сочувствия. – Это я, Анджелика! Помните меня?

Мик не помнил, что бы, когда-то и где-то встречался с драконессой по имени Анджелика, но он припомнил видение из своего сна или бреда – золотистую драконью голову и конус серебряного пламени, окутавшего его и избавившего от невыносимой боли! А ещё припомнились слова Быка: "Она наша принцесса!"

"Вот так принцесса в здешних краях!" – подумал Мик, но вслух лишь пробормотал, что-то невнятное.

Он вообще не мог ничего толком сказать и сам не понимал почему. Слова вертелись в уме, а язык ворочался с таким трудом, будто его связали верёвками. И Бык ещё утверждал, что он когда-то был большой любитель поговорить? Да, вероятно произошло, что-то особенное, а что именно, он не помнил.

– Ну, что ж! – вздохнула Анджелика и улыбнулась. – Значит, будем знакомиться заново! Моё имя вы уже знаете, но считаю необходимым прибавить, что я не всегда была такой, как сейчас, но об этом после. Позвольте представить вам моего жениха, его зовут Драгис, а это его сестра и моя подруга – Мегги, а это... ой, профессор, где вы?

– Я здесь! – раздался голос снизу, и прямо перед Миком возник розовый крыс в круглых очках. – Я сам представляюсь, дорогая Анджелика! Профессор Прыск, к вашим услугам! Очень! Очень рад знакомству, уважаемый падре Микаэль! Я столько слышал о вас, когда ещё был студентом! А ваши работы по теории межпространственного перемещения, это же основа всего того, что сейчас называется научной трансмагией!

Ноги Мика подкосились, голова пошла кругом, и он сел на песок, удержав, впрочем, в левой руке свою акулятину. Правой тотчас завладел профессор Прыск и начал её с чувством трясти.

– Наверно не стоит на него так давить, господин профессор? – прибавила к разговору свой голос, похожий на звук колокола, изумрудная драконесса. – Боюсь, что... падре Микаэль ещё не пришёл в себя настолько, чтобы...

– Вы правы! Безусловно, правы, дорогая Мегги! – ответил крыс. – Отдыхайте, уважаемый коллега! Конечно! Все вопросы потом!

С этими словами крыс исчез, как его и не было, а у бед-

ного Мика голова пошла кругом и ужасно захотелось виски. "Падре Микаэль"! "Уважаемый коллега"! "Научная трансмагия"! А что дальше? Нет, это всё-таки – сон!

– Это не сон, падре Микаэль, – произнёс мускулистый мужик, молчавший всё это время. – Поверьте, это явь. И такая явь, из которой нам всем надо выпутываться, а для этого нам необходимо вернуть вашу память!

Мик точно помнил, что не говорил ни слова вслух. Однако после всего происшедшего нынешним утром, удивляться уже не было сил.

– Я могу слышать ваши мысли, – пояснил Драгис. – Не все и не всегда, но могу. Сейчас они мне лучше слышны, чем при нашем предыдущем знакомстве.

В это время на берег выкатился клубок из двух сцепившихся тел и послышались звуки ударов. Это были уже знакомые Мику колобки, которые никак не могли успокоиться.

– Так, всё! Моё терпение лопнуло! – вскричала Анджелика и в каждой руке у нее, оказалось, по колобку вздёрнутому за шкуру.

Колобки ещё немного подрыгались, пытаясь достать один другого, но вскоре затихли, и только злобно поглядывали друг на друга. Теперь Мик смог разглядеть их получше. Оба были лишь в общих чертах похожи на людей. Оба напоминали гигантские картофелины, глазастые и носастые. На том и на другом одежда висела ключьями, явно в результате их постоянных потасовок, но приглядевшись, можно было до-

гадаться, что на одном из них красуются остатки чёрного дорожного костюма, (может быть это даже был фрак или смокинг), а другой когда-то был одет в серый костюм в бежевую полоску.

– Так, достопочтенный дон, вы у меня отправитесь на тот островок, что на западе, а ты, дорогуша, посидишь на восточном! Дрась, будь любезен, проводи его туда! – заявила Анджелика, передавая белокожему мужику одного из колобков.

– Не хочу на западный остров! Там гадюки! – заканючил тот, что остался в руках драконессы.

– Мне их жаль! – крикнул колобок, которого держал за плечи Драгис.

В ответ, названный, "достопочтенным доном", снова задёргался, но получил лёгкую затрещину и безжизненно повис. Анджелика и Драгис не стали терять времени даром, и тут же разошлись в разные стороны.

– Давно пора! – прокомментировал происшедшее Бык, оставивший на время свою траву. – Он мне конечно друг, но в последнее время ведёт себя, как-то, по-дурацки!

– Это ты про кого? – спросил Мик, удивляясь скрипучести своего голоса.

– Да про Фига, про кого же ещё? Я о том, которого Драгис на восточный остров потащил. Кстати, на "восточном" я бы и сам отдохнул денёк-другой. Травы там!.. А может и ещё чего вкусенького найдётся!

И Бык заговорщически подмигнул Мику. Тот попытался представить себе, что-нибудь "вкусненькое", с точки зрения быка, и снова принялся за свою акулятину.

– Позволю себе заметить, – послышался голос профессора Прыска, с высоты его каменной кафедры, – что здесь налицо явный протекционизм!

– Чаво? – спросил Бык с недоверием.

– Протекционизм! – повторил профессор Прыск. – Я имею в виду то, что наша Анджелика симпатизирует Фигу, в то время как в их споре с братом следовало бы проявить объективность...

– Ага! Я бы давно проявил ету самую, как её? Объедкивность! Ещё как, проявил бы, и поднял бы поганца Дульери на рога за все его художества! Вы, профессор, не видели, что творилось на его территории в городе! А что вытворяли его бандиты, когда мы с ними сталкивались?! Конечно, и мы были не ангелы, но никогда никого не обижали зря! А только лишь брали у людей то, что они сами готовы были нам отдать...

– Хватит, хватит! – отмахнулся крыс. – Ничего не желаю знать о ваших гангстерских делах!

– Гангстерских?! – вскричал Мик, чуть не подавившись куском рыбы. – Я же говорил тебе, не иди в гангстеры, худо будет!

Высказав всё это, Мик замотал головой, потом уставился в одну точку, как бы стараясь увидеть внутренним взо-

ром, что-то неразличимое. Одно слово взбаламутило мешанину его запутанных мыслей, и вдруг, часть позабытой жизни встала перед ним со всей своей потрясающей отчётливостью! И в этой жизни, оказывается, действительно был Бык, то есть Быкович, а ещё в ней были и Драгис, и Фигольчик, и... Дульери! Он видел их всех, а Быка знал близко, и даже дружил с ним! Что же произошло? Почему два известных гангстера больше не управляют своими бандами, а лупохают друг друга вручную, а принцесса – драконесса рассаживает их по разным островам в море? Почему Быкович больше не человек, а бык? (Впрочем, он всегда на быка смахивал.) Почему он, Мик, сам сидит здесь и жуёт такой кусок рыбы, который, похоже, в него врядли поместится? Сидит и жуёт, вместо того, чтобы... Вместо того чтобы, что?

Увы, очередное напряжение мозгов вызвало, лишь воспоминание о сильнейшей боли во всём теле, которое тут же отозвалось болью в затылке. Яркая, хоть и неполная, картинка погасла, и Мик понял, что лучше постараться вообще не думать ни о чём. Эта мысль была, конечно, самой правильной и последней. Мир коротко и быстро крутанулся у него перед глазами и погас, как перегоревший фонарь. Уже неосознанным движением, Мик сунул за пазуху кусок недоеденной акулятины, и, закатив глаза, навзничь повалился на песок. Мегги и профессор Прыск тут же оказались возле него, но их опасения были напрасны – он спал сном младенца, застигнутого усталостью в песочнице.

Глава 2. Мне не дано пряться!

– Мне не дано пряться!

– Но ты теперь обладаешь совершенством, которое недоступно людям и драконам!

– Спроси любого из твоих родственников, и они назовут это уродством!

– Возможно! Но я называю это – совершенством, и в этом я не одинок!

– Мне везёт на друзей! Мне хорошо с теми, кого ты имел в виду, но они скорее исключение из правил...

– А почему тебя это так волнует? Да, они и в самом деле исключение из правил! Точнее, исключение из всех правил, всех миров, какие известны мне, по крайней мере! Но, чем это плохо? Скажи, чем плох профессор Прыск? По своей природе он самая настоящая крыса. И что с того? Он тебе отвратителен?

– Нет, он очень мил, хотя и импульсивен!

– Ты не боишься крыс?

– Не боюсь и никогда не боялась!

– Прости, я позабыл про твою исключительность!

– Знаешь, говорить об этом было весьма фигово с твоей стороны!

– Звали? А почему у вас такие вытянутые физиономии?

Молчание затянулось на целую минуту, после чего послы-

шался шум какого-то движения, которое явно помешало активному действию агрессивного характера.

– Ах ты...

– Не надо!

– Прибыю!

– Он не виноват! Понимаешь, природа у него такая!

– Вы что, заодно?!

– Ну, в какой-то мере...

Шлёп!!!

Мимо, едва открывшего глаза Мика, прокатились два тела, в одном из которых он, с удивлением узнал белокожего мужика – Драгиса, а в другом одного из колобков, того, что был отправлен на "восточный" остров.

Кругом царила ночная мгла, освещаемая, лишь бриллиантовой россыпью звёзд, каких Мик не видел с незапамятных времён, о которых остались лишь смутные воспоминания.

(Воспоминания? Какие такие воспоминания?)

Оба сшибленные с ног встали, как ни в чем, ни бывало, и переглянулись понимающим взглядом. С той стороны, откуда они прика... прибыли, виднелась, какая-то возвышенность, которая вздрагивала на фоне звёздного неба, а ещё с той стороны раздавались женские рыдания.

Мик встал навстречу приближающимся фигурам, и все они, не сговариваясь, сели вокруг прогоревшего костра, в котором уже не было видно ни одной искры. Помолчали. Потом помолчали ещё немного. Потом долго и мудро молчали,

каждый о своём. Прошло время, и все помолчали о вечном и неизбывном.

– Падре Микаэль, – сказал, наконец, Драгис, – нам всем нужен ваш совет и ваша мудрость. Простите, не хочу на вас давить, но ситуация накаляется. Ещё немного и будет взрыв.

– Но что я могу сделать? – спросил Мик своим скрипучим голосом, смирившись со странным обращением – "пад-ре Микаэль".

Ответом ему было долгое молчание, которое, казалось бы, никогда не кончится, но вдруг он почувствовал на своём левом плече тёплую и мягкую бычью морду, щекочущую его ухо осторожными ласковыми губами, и внезапно понял, да только он и может помочь этим... людям, драконам, фигам, (или кто они там ещё?), быкам и вообще, кто бы они там ни были!

Мик встал. Он не был уверен в том, что он всё делает правильно, но думать было некогда. Он положил руку в ободряющем жесте на плечо Драгиса, мимолётно удивился мощи могучих мускулов, скрытых под странно нежной кожей. Затем слегка коснулся протянутой руки этого колобка – Фига, и вдруг испытал чувство прикосновения к чему-то вечному, великому и малому одновременно, спаянному с миром сущего, живущему в нём, но подчинённому более высокой материи, и всё же трепещущему, как любое существо из плоти и крови, но... Что там было дальше, уже не поддавалось разумному объяснению.

Однако его помощь, так остро, требовалась не здесь. Его звало, (и пугало, чего греха таить), женское рыдание, раздававшееся со стороны тела напоминавшего небольшой холм. В сознании Мика на мгновение возникли драконьи клыки, но он отмахнулся от этого страха простой и проверенной истиной – нет ничего страшнее равнодушия, всё остальное лишь детские пуги перед этим истинным чудовищем!

Мик подошёл и откашлялся, ещё не зная, что он будет делать и что говорить. Наверно вид у него при этом был не очень внушительный, но тьма всё равно скрывала всё вокруг. Рыдания, тем временем прекратились и перешли во всхлипывания. Драконесса повернула свою голову, кажущуюся на фоне звёздного неба невероятно огромной.

– П-падре Микаэль, я их... не очень? – спросила Анджелика прерывающимся голосом.

– Нет, принцесса! – ответил Мик и с удивлением заметил, что его голос уже не такой хриплый, как недавно. – Они целы, твои друзья, но очень беспокоятся за тебя.

– Я ударила их! Я не хотела, но поддалась гневу, а они не были ни в чём виноваты! Но ведь даже если бы это было не так, я не имела права распускать руки! Эта сила! Я не привыкла к ней... Так легко обидеть того кто слабее тебя, но как потом становится га-адко!

Рыдания снова огласили окрестности, но длились уже не так долго, потому что Мик положил свою руку на тёплый вздрагивающий драконий бок и Анджелика успокоилась.

Она помолчала ещё немного, а потом заговорила снова:

– Падре Микаэль, я не дракон, я человек! Мы были уже знакомы с вами в... одном из миров, который мы с Драсей, промеж себя, называли "Трещиной". Тогда вы помогли нам, и сейчас нам очень нужна ваша помощь!

Мик помолчал. В его голове проносились, какие-то неясные образы, что-то похожее на воспоминания, но это что-то никак не желало принимать узнаваемую форму.

– Мне очень жаль, – ответил он, – но я ничего не помню. Я рад был бы помочь вам, но не представляю чем...

– Я знаю, что вы потеряли память, – перебила его Анжелика, – а ещё я знаю, что вы её потеряли гораздо раньше, чем сами об этом думаете. Вам надо вспомнить не ту жизнь, которую вы вели недавно, а ту, которая была до того!

– Это какая-то ошибка, дочь моя...

– Как вы меня только что назвали?

– Ой, простите, принцесса, это как-то само собой вырвалось!

– Нет, нет, нет! Так вы называли меня раньше, значит не всё забыто!

– Я говорил! Я знал, что он вспомнит! – заверещал, неведомо откуда взявшийся профессор Прыск. – Нужно только время и великий учёный проснётся в сознании нашего друга!

Мик отступил в нерешительности. Он оглянулся и увидел, что вся компания, (исключая колобка Дульери), собралась вокруг них. Все смотрели на него выжидательно, как будто и

впрямь думали, что он сейчас выдаст великую мудрость или примет необходимое решение.

– А что значит, что вы не можете пряхть, принцесса Анджелика? – вдруг спросил он неожиданно для самого себя.

Все недоумённо переглянулись. На некоторое время повисло всеобщее молчание, как будто он затронул очень деликатную тему и присутствующие обдумывали, как её на самом деле разъяснить.

– Надо всё ему рассказать! – заявил, наконец, Драгис. – Всё и во всех подробностях, без утайки, а там увидим!

С этими словами, он обернулся к потухшему костру и плюнул в него. Пламя взметнулось между остывших углей, как будто кто-то плеснул на них керосином.

Глава 3. Первые шаги «благородных гангстеров»

Алая полоска зари побледнела и превратилась в золотую. Вот-вот из-за горизонта должен был показаться краешек солнца, когда Анджелика закончила свой рассказ:

– И теперь я не могу с уверенностью сказать, кто же я на самом деле. Внешне больше похожа на дракона, внутри всё ещё человек, но есть много чего от паука. Например, четыре пары конечностей...

– Хорошо, что не четыре пары глаз! – вставил Фиг, но тут же осёкся под пристальным взглядом Драгиса.

– Только вот прасть я не могу совершенно, – продолжила Анджелика. – Это свойство не передалось. Впрочем, это наврное было бы слишком, а потому и жалеть не о чем!

– А что ещё из паучьих свойств вам теперь доступно? – спросил Мик, сам не зная зачем.

– Прыгаю и бегаю в десять раз быстрее любого дракона, – был ответ, в котором звучало больше грусти, чем гордости.

– А ещё, она плавает и летает так, как это не снилось никому из нашего племени! – произнёс Драся с улыбкой, не в силах скрыть восхищение.

– Однако до сих пор, не может никого убить, даже акулу, – пожала плечами Мегги. – Так что снабжение всех съестным

лежит целиком на мне!

Анджелика покраснела и смущённо опустила голову.

— Что ж! — сказал Фиг, вставая и потягиваясь. — Я думаю, что если никто не устал, то следующая очередь рассказывать, наша с Быком!

Возражений не последовало и Фиг начал:

— Когда мы вошли по колено в Зеркальное озеро...

— По твоё колено или по моё, я что-то не помню? — прервал его Бык.

— По моё! Не перебивай! Так вот, я заметил, что всё идет, не так гладко, как должно было быть. Мы уже ходили этим путём раньше, и я знал, что ощущение воды под ногами должно было давно исчезнуть, но этого не происходило! Мало того, сначала мы отчётливо видели комнату в подвале старого замка, видели Козауру и Анджелику, как вдруг всё подёрнулось рябью и исчезло! А в следующую секунду я заметил узкую красную полосу, приближающуюся к нашим ногам, похожую на трещину в стекле...

— Да, да! И ещё звон раздался, как от битого стекла! — не выдержал Бык.

— Мы не успели ничего предпринять, даже не поняли, что это было такое?!

— Кровь тех, кто был убит в тот день на берегу озера, — пояснила Анджелика. — Мне об этом рассказал Чикада. Позже, в замке Рогелло Бодакулы.

— Ах, вот оно, что!

Фиг сделал многозначительную мину и задумался.

– Короче, – продолжил за него Бык, – когда мы увидели эту красную полоску, было уже поздно. Она и впрямь смахивала на трещину, края которой разошлись и мы попросту в неё провалились!

– А как же вы в городе-то очутились? – спросила Мегги, которая всё это время слушала рассказы друзей, открыв рот.

– Мы летели вне пространства и времени, – заговорил Фиг, уставившись в никуда, совершенно круглыми глазами. – Точнее, утверждать, что мы именно "летели", было бы неправильно. Лететь или падать можно только относительно чего-то, а если вокруг тебя ничего нет, то вообще нельзя сказать, что ты движешься...

– Ну не знаю, не знаю! – снова перебил его Бык. – Лично я, точно, летел куда-то в тартарары, да так, что в ушах свистело!

– Говорю, что это тебе только казалось! Невозможно...

– Понятно! – вдруг перебил их обоих Мик. – Неважно летели вы оба или это вам только казалось. Важно, что было потом?

– Кусты! – буркнул Бык и шкура на его спине передёрнулась.

– Какие кусты? – спросила Мегги, хлопнув пару раз ресницами за круглыми очками.

– Обычный шиповник! – ответил Фиг. – В самом цвету. Красота и благоухание невероятные!

– А ещё он был густым и жутко колючим! – добавил Бык

и снова дёрнул шкурой.

– Таким колючим, что я оставил в нём почти всю одежду, а вот он, – тут Фиг посмотрел на Быка взглядом, в котором мешались насмешка и сочувствие, – нечто большее!

– Да! Я оставил в тех кустах собственную шкуру, а вместе с ней и сам бычий облик! – взревел Бык, и сразу стало понятно, что это воспоминание доставляет ему массу неприятностей.

– Бедненький, как я тебя понимаю! – сказала Анджелика, положив руку ему на холку.

От этого жеста у Быка сделалось такое выражение физиономии, что казалось, он вот-вот замурлычет. Зато Драся, сердито нахмурился и скрестил руки на груди.

– Вообще-то очеловечился не он один, – поспешил продолжить Фиг. – Я ведь тоже изменился, ну вы же все видели!

– Не на много! – рассмеялся Драся, забыв о припадке ревности. – Ты был весьма узнаваем, а впрочем, в своём истинном облике ты выглядишь гораздо привлекательней!

Теперь от удовольствия расплылся Фиг.

– Так, что же было дальше? – нетерпеливо воскликнула Мегги.

– Дальше, – вздохнул Бык и грустно опустил голову, – дальше два полуголых оборванца вышли на улицу совершенно незнакомого города.

– И на первых порах нам пришлось очень несладко! – подхватил Фиг, подняв палец кверху для пущей убедительно-

сти. – Прохожие шарахались от нас, как от прокажённых, матери прятали детей, а копы!.. Что вытворяли копы!..

– Что вытворяли копы? – спросила Мегги, которая к тому времени легла на живот и подпёрла подбородок сгибом крыла.

– Вообще-то ничего особенного они не вытворяли, – замялся Фиг. – Ну, свистели, ну махали своими дубинками, но в основном держались на расстоянии...

– Ну, да! Особенно, когда видели Быка на задних копытах! – вставил Драся с явным удовольствием.

– Ещё бы! – улыбнулся Фиг. – Первый из копов вообще упал в обморок, когда увидел его рога...

– А, что они так никуда и не делись? – спросила Мегги, у которой глаза стали больше очков.

– Никуда и никогда! – с гордостью произнёс Бык, молчавший всё это время. – Разве что, чуть-чуть уменьшились и загнулись по-другому.

– Это уж точно, – сказал Фиг без видимого энтузиазма. – Поначалу мы придумали ему тюрбан из простыни, но это оказалось ещё хуже! Два или три раза за нами гналась целая толпа, хоть мы и не сделали этим людям ничего плохого! Но потом нам удалось стырить кепку в армянском квартале, и дело пошло на лад!

– Эту? – спросил Мик, вынимая кепку из под своего сидалища.

– Нет, эту я заказал у мастера, гораздо позже! – пробасил

Бык. — Та первая давно изнашивалась, а после неё было ещё две.

— Так вы были там настолько долго? — подал голос профессор Прыск.

— Семь лет! — отчеканил Фиг, и все присутствующие застыли в изумлении.

— А чему вы удивляетесь? — пожал плечами Драся. — Лично я пробыл с ними чуть меньше пяти лет. Время не спрашивает, как течь в том или ином измерении, оно просто течёт себе, как вода — его физический прообраз, миры, в которых оно течёт, выполняют при этом роль рек, озёр, морей и океанов, и странно удивляться, что в иных мирах оно течёт быстрее, чем в других!

— Точно! — снова заговорил Фиг. — В иных мирах оно вообще застаивается, как в болоте, а в других мчится, словно горная река...

— Это всё очень интересно, но может быть, просто расскажете, что с вами было дальше? — спросила Анджелика, и в её голосе промелькнули повелительные нотки.

На несколько секунд над костром, в который Драся подбросил ещё несколько валежин, воцарилось молчание. Солнце, всплывшее над горизонтом, вдруг затянулось туманной пеленой, и ночь, ушедшая было в свои владения, вдруг получила право на дополнительное время, которым не замедлила воспользоваться. Внезапно потемнело, небо закрыли, неведь откуда, взявшиеся тучи, с севера подул порывистый ветер, который пригнул высокую траву, сорвал несколько ли-

стве с одиноких деревьев и кустов, и закрутил, заиграл языками пламени в ожившем было костре.

– Дальше был овощной рынок в бедном квартале эмигрантов, – сказал, наконец, Фиг с таким отвращением в голосе, как будто ему сунули под нос дохлую жабу.

– Да! Овощной рынок! – мечтательно произнёс Бык и закатил глаза, прозревая внутренним взором, горы "вкуснятины".

– С утра до вечера, сортировка картошки! – простонал Фиг, голосом мученика в зубодробительном кресле.

– О! Это ошипывание подвявших листиков с капусты! И задаром! – блаженно мукнул Бык.

– Перебор салата!

– Утилизация отходов от салата!

– Раскладывание морковки!

– Уничтожение ботвы!

– Пересчитывание баклажанов!

– Неучтённые арбузы!

– Копеечная оплата!

– Бесплатная жратва!...

– Хватит!!!

Последнее слово выкрикнула Анджелика, сопроводив это ударом кулака о землю, от чего всё кругом подпрыгнуло, а языки пламени в костре спрятались, и не сразу, робко, высунулись наружу.

– Извольте излагать факты без лишних эмоций! – отчека-

нила она таким голосом, от которого оба рассказчика и кое-кто из присутствующих втянули головы в плечи. – Итак, вы некоторое время подрабатывали на рынке. Дальше что?

– А дальше, нас выгнали с рынка! – улыбнулся Фиг этому приятному воспоминанию.

– Да, выгнали! – гневно промычал Бык. – И что самое обидное, выгнали ни за что!

– Ну не совсем ни за что, а может быть за дело! – загадочно подмигнул Фиг Быку.

– Ни за какое, не за дело! Вспомни сам, они тогда обвинили нас в краже сена из телеги, но не смогли ничего доказать. Всё думали, кому мы его продали, а мы даже и не отлучались никуда, и продать ничего не могли!

– Конечно, не могли! Да ведь мы его и не продавали, а кое-кто это сено просто съел!

Бык покраснел до корней рогов и виновато опустил голову.

– Ну, съел! – промычал он глухим голосом. – Между прочим, съел во сне, будучи в бессознательном состоянии! Я бы никогда этого не сделал, если бы не устал так за день, просто из сил выбился.

– А ночевать мы устроились, как раз под той телегой, – пояснил Фиг. – Утром, значит, просыпаемся, а сено-то тю-тю! Вот тогда-то нас с рынка и попёрли.

– И как только вас не прибили на месте! – удивился Драся.

– Они *его* побаивались! – кивнул Фиг в сторону Быка. –

Представьте себе, он запросто сдвигал с места груз, который только быку и под силу! Такого прибить, как же! Все вместе может быть, и одолели бы, но никому не захотелось быть первым! Так, что покричали на нас, покричали, да и указали на выход.

– История с рынком ясна! – сказала Анджелика. – Дальше, что было?

– Драка была! – сказал Бык и зевнул.

– А дальше мы разделились, – сказал Фиг и нахмурился.

– Но сначала подрались, – настаивал на своём Бык.

– С кем подрались-то? – спросила Мегги, держа ушки на макушке.

– Между собой! – буркнул Фиг, а Бык только фыркнул и попытался почесать задним копытом за ухом.

– Что! – хором воскликнули Анджелика и Мегги.

– И ничего в этом нет такого! – пожал плечами Бык. – Ну, поцапались, ну и что? Он меня обвинил в том, что нас прогнали...

– И небезосновательно!

– Хорошо, но зачем было дёргать меня за ухо?

– А затем, что хвоста у тебя в то время не было!

– И то верно! – сказал Бык и задумался. Этот аргумент почему-то показался ему достаточным.

– Согласен, – примирительно проговорил Фиг, – я тогда переборщил и зря распустил руки, но и ты поддал мне рогами, благо, что они были под кепкой!

– А знаешь, как больно-то было! – мукнул Бык и снова попробовал достать ухо копытом.

– Так ему, значит, было бо-бо! – вдруг вспыхнул Фиг. – А знаешь, что я от твоего удара влетел прямо в дверь Национального банка?

– Знаю, ты об этом уже сотню раз рассказывал. С этого и началась твоя гангстерская карьера!

– Ой! Расскажи! Фигушка, расскажи нам, а то мы не слышали! – затараторила Мегги, и её изумрудные глаза загорелись жутким любопытством.

Анджелика, профессор Прыск и даже Мик, закивали головами, поддерживая Мегги в желании услышать продолжение истории, и только Драгис, который приключения своих друзей знал наизусть, отвернулся и принялся ворошить палкой угли в потухающем костре. Фиг понял, что стал центром внимания, напустил на себя важный вид, пригладил лохмотья, бывшие некогда приличным и дорогим костюмом, и произнёс:

– Ну, так слушайте!

Глава 4. Рассказ Фиголини Фиглориуса по прозвищу "Граната – Фигольчик"

– Над городом поднималась кровавая заря! Мрачные громады небоскрёбов вонзались в трепещущую плоть неба, которое...

– Фиг!

– Ну, Анджелика! Нельзя же рассказывать подобные истории просто так!

– В прошлый раз ты начал с того же самого, когда собирался рассказать мне историю Козауры!

– Ну, хорошо, хорошо! Правда кровавая заря тогда и впрямь поднималась над городом, так-как нас выгнали с рынка на рассвете. Впрочем, ты, наверное, права, к делу это отношения не имеет. Итак, мы с Быком поругались, и в порыве отчаяния я схватил его за ухо. Вот тогда он меня и... как бы это сказать?..

– Боднул!

– Точно! Боднул! Спасибо, дружище!

– Боднул под зад!

– Я же сказал, спасибо! Не надо подробностей!

– Нет! Надо, очень даже надо! – не выдержала Мегги. – Продолжай, пожалуйста! С подробностями!

— Ну, хорошо! — продолжил Фиг, смирившись. — В общем, когда он меня, э... стукнул, я взлетел над мостовой, и вектор траектории моего полёта совпал с дверью банка, которая, по счастью, была открыта. (Я даже не берусь судить, что со мной было бы, будь эта дверь закрыта! Наверное, мы бы сейчас не разговаривали. Силища у нашего общего друга сами знаете, какая!) Описав длинную дугу и чудом встав при этом на ноги, я оказался перед стенкой с окошками, за которой сидели кассиры. Ах, да! Забыл сказать, что в руках у меня была маленькая металлическая лейка для spryskivaniya zeleni, которую я не успел отдать хозяину, когда нас выгнали с рынка...

— А, по-моему, эту лейку, кое-кто просто стащил!

— Думай, что хочешь, суть не в этом! Увидев у меня в руках блестящий предмет, очкастые дураки за своими окошками, наверное, решили, что это какое-то оружие, и как по команде подняли руки вверх! А тут, кто-то из посетителей, как заорёт во всё горло: "Это ограбление!" Будто я его об этом просил! Ну, тут началось! Все кто были в зале, попадали на пол! Охрана добровольно сложила оружие, и сама приковала себя наручниками к батарее центрального отопления! Но прикольной всего было то, что дверь в хранилище вдруг распахнулась, оттуда вывалился толстый мужик в жилетке и сбившемся пенсне, и нагрузил меня таким мешком денег, что я чуть не рухнул под его тяжестью! Потом я узнал, что это был директор банка. Я попробовал было объ-

яснить, что произошла ошибка, но никто не желал меня слушать! И тогда мне оставалось только сделать вежливый жест шляпой, и, прихватив мешок, направиться к выходу! Я уже почти дошёл до дверей, когда кто-то крикнул мне в спину: "Эй, парень! А зовут-то тебя, как?" У них, видите ли, традиция такая – если гангстер кого ограбил, он обязательно должен при этом представиться! Припомнив, что я влетел туда, словно брошенная граната, я решил пошутить: "Граната-Фигольчик!" – крикнул я в ответ и покинул здание банка.

Фиг на минуту замолчал, толи, припоминая, что-то, толи предавшись нахлынувшим чувствам.

– А дальше? – не вытерпела Мегги.

– Дальше, – вдруг ответил за Фига Драгис, – легенды о гангстере по прозвищу Граната-Фигольчик, долго ещё ходили в городе. Один писатель отгрохал о нём роман, и кто-то там ещё выпустил серию комиксов. Было даже снято два или три фильма...

– Я один из них смотрел! – вдруг подал голос Мик, и, увидев, что к нему все обернулись, пояснил. – Как-то зимой, в один особенно холодный вечер я сумел прошмыгнуть в кинотеатр мимо контролёра, и часок с небольшим погрелся в зале, пока шёл этот фильм.

– Ну, и как впечатление? – поинтересовался кто-то.

– В общем, было интересно, но я не всему поверил.

– И правильно сделал, Мик! – пробасил Бык. – Я, например, видел все три фильма, и не поверил ни одному! Они всё

придумали, высосали из пальца, а на деле было покруче и, пожалуй, поинтересней!

– Конечно, поинтересней! – опять воскликнула Мегги. – Продолжай, Фиг!

И Фиг продолжил:

– Когда я вышел на улицу, то обнаружил, что вот этого здоровяка и след простыл! Да, да! Это я про тебя, трус ты несчастный!

– Я думал ты побежишь за мной сразу, как только выскочишь из банка! Я думал, за нами гонятся! – виновато промычал Бык.

– Он думал! – Фиг явно наслаждался ситуацией. – Думал-ку сначала отрастить надо, а потом думать! Ладно, теперь-то это дело прошлое! А тогда я сам не на шутку перетрусил. Выхожу, а его нет! Получается, что я остался один на пороге банка с мешком краденых денег, а где-то вдалеке уже завывает полицейская сирена!

– Это кто-то из кассиров нажал на кнопку сигнализации, – пояснил Драгис.

– И как ты удрал? – спросила Анджелика.

– Да, удрать мне было весьма непросто! – продолжил Фиг, поднимая глаза к небу, как будто там было что-то написано. – На меня вытаращилась вся площадь, сзади в банке уже раздавался топот ног, а постовой полицейский занял позицию для стрельбы за садовой скамейкой и заорал, чтобы я сдавался! Но тут на моё счастье из-за угла выехал трамвай,

и я на ходу вспрыгнул на его подножку!

– Здорово! – крикнула Мегги и захлопала крыльями, как если бы это были ладошки.

– Может и здорово, – вдруг нахмурился Фиг, – но в это время на площадь с воем вылетела полицейская машина, и я понял, что мне конец! Скорость трамвая, как известно, намного ниже, чем у любого автомобиля, а ещё вагоновожатый вдруг испуганно заозирался и нажал на тормоз. И тогда я с размаху запустил в полицейских мешком с деньгами, а сам выскочил из трамвая и рванул в сторону городского парка!

– Ты бросил деньги?!

– Бросил, что ж тут поделаешь!

– Этого мало! – опять вмешался Драгис. – Когда мешок упал на капот полицейского автомобиля, копы остановились, затащили мешок внутрь и покатали в обратном направлении. Больше их никто не видел! Машину тоже не нашли.

– А что было дальше?

– Дальше, я пролежал и продрожал почти двое суток под кустом в Центральном парке, – продолжил свой рассказ Фиг. – Я ожидал, что меня будут искать, что устроят погоню, но ничего этого не было. Постепенно страх прошёл, зато я жутко проголодался! Когда я вылез из кустов, был вечер третьего дня после моего приключения в банке. Мой костюм оставлял желать лучшего, шляпа была достойна огородного пугала, и единственной ценностью, которой я располагал на тот момент, оказалась та самая лейка, благодаря которой я

стал Гранатой-Фигольчиком! Мокрый, грязный, одинокий, потерянный, я уныло брёл вдоль полыхающих электрическими огнями улиц, мимо нарядно разукрашенных домов, мимо богатых магазинов, шикарных ресторанов и обычных закусочных, откуда так маняще пахло съестным!

Вдруг одно из таких заведений показалось мне знакомым. Там на большой вывеске светилась надпись "Хрустикс Чикен", а из самого магазина веяло запахом курицы! Этот божественный запах совершенно свёл меня с ума, но вдруг я вспомнил, что в то недавнее время, когда мы с Быком работали на рынке, эта забегаловка покупала у наших хозяев картошку и салат. Но не это заставило меня сделать то, что я сделал! Я вспомнил ещё, как менеджер этой куриной лавчонки вытянул меня шваброй по спине за лист салата, который съел Бык! А ведь этот лист, по-моему, годился только в компост, так как был весь в дырках вялый и жёлтый. И тогда я решился!

Надвинув шляпу поглубже и подняв воротник плаща, я вошёл в помещение, освещённое тусклыми лампами, и направился к стойке, за которой суеилось не меньше десятка служащих.

"Эй, приятель! Далеко собрался?" – раздался у меня над самым ухом знакомый голос.

Я обернулся и увидел красную рожу того самого менеджера. Он возвышался надо мной, как полный мешок над одинокой картофелиной, а в руках у него была зажата до боли

знакомая швабра! На мгновение я подумал, а не удрать ли пока не поздно, но в это время, кто-то из зала крикнул: "Это он! Это Граната-Фигольчик! Я видел его в банке!"

Швабра в руках у менеджера дрогнула, и на его красной роже отразилось замешательство. Вот тогда-то всё и произошло! Неожиданно для самого себя я выхватил из-за пазухи лейку и крикнул, как можно более страшным голосом: "Руки вверх! Это ограбление! Я – Граната-Фигольчик!"

Швабра выпала из рук менеджера. Он отступил сначала на шаг, потом ещё на два, а потом и вовсе прижался к стенке и мелко-мелко затрясся, вскинув вверх свои волосатые лапищи. Я обвёл присутствующих грозным взглядом и направился к кассе. И тут выяснилось, что удача по-прежнему не на моей стороне! В кассе было совершенно пусто! Так, какая-то мелочь.

Тогда я внаглую зашёл за стойку, обнаружил там большую кастрюлю с картошкой фри и другую, поменьше с жареными куриными крылышками. Это было то, что надо! Свалив содержимое обеих кастрюль в найденный тут же большущий клеёнчатый пакет, я уже собрался было на выход, когда заметил на нижней полке за стойкой нечто такое, что могло пригодиться в той карьере, которую я только что начал в этом городе.

Это был с перепугу забытый всеми двуствольный дробовик с короткими стволами, небольшим прикладом, но очень солидного калибра. Рядом находилась пачка патронов.

Недолго думая, я присвоил это простое, но грозное оружие, а на его место поставил лейку.

– Кстати, эту лейку, по слухам, вскоре выставили на аукционе редкостей и продали за кругленькую сумму! – ещё раз вставил своё слово Драгис.

– Да, я тогда и не думал, что обеспечил этому менеджеру безбедную старость! И всё за кучку куриных крылышек с картошкой! – рассмеялся Фиг.

– Ты про подвиг расскажи! – подал голос Бык.

– Про подвиг! – взвизгнула Мегги. – Фиг! Расскажи про подвиг! Ты совершил подвиг? Вот здорово!

– Ну, не такой уж это и подвиг! – засмутился, вдруг покрасневший Фиг. – Просто мне повезло. Хорошо, сейчас расскажу! Картошка с крылышками закончились в тот же вечер на скамейке в сквере за два квартала от ограбленного "Хрустикса". И тут выяснилось, что я второпях забыл взять, что-нибудь попить, и теперь внутри у меня всё горело! Понимая, что эту пытку долго терпеть невозможно, я отправился на поиски глотка воды, подвесив дробовик подмышку, благо длина моего замызганного плаща скрывала его стволы от посторонних глаз.

Как назло, фонтан в сквере не работал. Ну, не пить же мне из лужи! Я уж подумал, а не вернуться ли мне в куриную лавочку и не "попросить" ли у миляги менеджера чашечку кофе, как вдруг увидел прямо перед собой на другой стороне улицы вывеску: "Чайная Ли Сунь Хань". Ввесив на руке

захваченную в кассе мелочь, я решил, что ее, наверное, хватит на чашку чая с кренделем, и направился к дверям, украшенным разноцветными фонариками.

Как и в "Хрустиксе", внутри чайной было совсем мало посетителей, царил полумрак, а откуда-то издалека доносилась негромкая, но очень мелодичная музыка, исполняемая на колокольчиках. В дверях меня встретил сам хозяин заведения, мэтр Ли Сунь Хань. Он вежливо поклонился, и лично проводил меня к низенькому столику, где я и водрузился на такой же низенький табурет, пристроив, как мог дробовик между скрещенных ног, (сидеть по-китайски я ведь не умею!).

Странно, но мой внешний вид совершенно не обеспокоил вежливого китайца. Он сразу понял, что мне нужно, и пока его маленькая внучка, похожая на фарфоровую куколку, разливала чай, занимал меня приятной беседой о погоде и последних городских новостях. Рассказал, между прочим, об ограблении Национального банка неизвестно откуда взявшимся гангстером по прозвищу Граната-Фигольчик.

По его словам этот ужасный бандит был огромного роста, в руках сжимал пулемёт и ухитрился вынести из банка всю наличность. (Тут я про себя подумал, что руководство банка списало под это дело немалые денежки). Я сочувственно покивал и покачал головой, поцокал языком и пожелал, что бы храбрые полицейские поскорее переловили в этом городе всех гангстеров. Увидев, как изменилось вдруг лицо хозяи-

на, я решил было, что сболтнул лишнего, но проследив за его взглядом, понял, что наш разговор здесь не причём.

В открытую дверь мирной чайной входили какие-то мрачные громилы в длинных плащах и широкополых шляпах. Их было пятеро, а рожи у громил были такие, что сомнений не оставалось – они пришли сюда не чай пить! Далее события развивались быстро. Один из громил схватил господина Ли Сунь Ханя за грудки и выдернул его из-за столика, так что ноги бедняги повисли в воздухе! Другой, заложив руки за спину, принялся ходить взад-вперёд, и с видом школьного учителя, стал выговаривать хозяину чайной за какие-то просроченные выплаты. Остальные в это время развлекались тем, что крушили мебель бейсбольными битами и срывали со стен вымпелы с изображениями золотых драконов.

Крохотная китаяночка бросилась к тому, который был среди этих мерзавцев главным и жалобно залопотала, что-то, мешая понятные слова со своим птичьим языком! Но этот гад отшвырнул её одним шлепком, она отлетела в противоположный угол помещения, где упала и замерла без движения!

Вдруг громила, который держал китайца заорал от боли и уронил Ли Сунь Ханя прямо на столик (я едва успел чайник убрать)! Дело было в том, что я оттянул спереди пояс на его брюках и вылил туда содержимое своей чашки. Надо ли говорить, что чай был просто огненным! Громила, не переставая вопить, запрыгал, как бык на родео, (извини Бык,

но это действительно было так), пока не завалился навзничь, опрокинув на себя с полки целую гору разнообразной китайской посуды! Увидев это, тот, кто держал речь о не уплаченных вовремя деньгах, схватился за внутренний карман, но не успел вытащить оружие, так-как ему в переносицу врезался чайник, тоже полный горячего чая! Вопли и скачки повторились с той разницей, что лечь этому бандиту помог я сам, подбив его под коленки и приложив хорошенечко лбом об пол!

Оставшиеся на ногах трое погромщиков увидели, что случилось с их товарищами, бросили свою разрушительную деятельность и двинулись на меня с битами в руках, но тут им в лицо глянули стволы моего дробовика! Вид двух этих туннелей, таящих смерть в своих тёмных глубинах, остановил двух, что были поумнее, но третий замахнулся на меня бейсбольной битой, явно намереваясь снести мне голову!

Что мне оставалось делать? Только пожать плечами, опустить двустволку и нажать на спуск... Моя малышка ахнула, как и подобает крупному калибру! Все присутствующие зажали уши, кроме того в кого я целился! Да, ему было не до ушей! Левая нога этого идиота отлетела, словно срезанная гигантской бритвой пониже колена, и он присоединился к своим коллегам, валяющимся на полу. Вот тогда-то я и произнёс заветные слова, определившие на долгое время мою судьбу:

"Кто бы вы ни были, забирайте эту падаль и вон отсюда! И

передайте тем, кто вас послал – отныне это место находится под защитой Гранаты-Фигольчика!"

– Здорово! Фигушка, какой ты храбрый! – восхищённо затараторила Мегги.

– Так что же, Фиг? Вы взяли это заведение под своё покровительство и осуществляли по отношению к нему классический рэкёт? – поинтересовался профессор Прыск.

– Нет, – улыбнулся Фиг, – когда я выпроводил громил из чайной Ли Сунь Ханя и извлёк его плачущую и перепуганную внучку из под обломков мебели, то хозяин долго благодарил меня и кланялся, а в конце поинтересовался, сколько он мне должен? Но я не взял с него ничего! Я был благороден, великодушен и...

– Неразумен! – договорил за него Драгис.

– Возможно, но тогда совесть не позволила мне взять с бедняги что-либо, он ведь и так потерпел убытки! Мы сошлись на том, что я могу в любое время приходить в эту чайную и пить там чай бесплатно.

– Помню, – сказал Бык, – ты водил нас туда пару раз. Чай там был вкусный!

– А ещё, хозяин узнал, что мне негде ночевать и пригласил пожить у него пока я не найду жильё получше, а его жена и дочь привели в порядок мою одежду. Вот так я и стал знаменитым гангстером! Только через некоторое время мне довелось узнать, что молодчики, которые приходили громить заведение доброго китайца, были из банды Дульери – моего

"драгоценного" брата.

– Но ведь банда Фигольчика состояла не из одного тебя? – спросила Анджелика. – Как ты нашёл Быка?

– А вот об этом, пусть он сам расскажет!

Все вопросительно посмотрели на Быка, который от такого внимания вдруг смутился, но поняв, что деваться ему некуда, пофыркал, повздыхал и наконец, начал свой рассказ.

Глава 5. Рассказ благородного гангстера Быковича по прозвищу – Малютка Телёнок.

– Ну, так вот! – начал Бык, проглотив свою жвачку из травы и откашлявшись для солидности. – После того, как я зафутболил этого супергероя в открытую дверь банка, понятное дело, я перепугался до смерти. Ещё бы мне не перепугаться! Представьте себя на моём месте. Это вам не сено с телеги слямать! Пинком под зад не отделаешься! Я, между прочим, видел, что приземлился он удачно, и никак не думал, что он там застрянет. Поэтому самым логичным для меня было, развернуться к банку задом и припустить во все лопатки, что я и сделал! Представляете моё недоумение, когда я, пробежав два или три квартала, не увидел рядом с собой этого чудака?

– Это кого ты ещё называешь чудиком? – грозно прорычал знаменитый гангстер Граната-Фигольчик.

– Тебя я называю чудиком, растяпа ты этакий!

– Сам растяпа!

– Хватит! Хватит! – веско сказала Анджелика. – Мало мне того что Дуля на западном острове сидит, так ещё и вас, что ли по отдельным островам распахивать?

– Правда, мальчики, не надо ссориться! – поддержала по-

другу Мегги. – Бык, продолжай, пожалуйста!

– Ну, хорошо, хорошо! – промычал Бык, который всегда был натурой отходчивой. – В общем, не обнаружив рядом с собой этого рас... то есть Фига, я решил вернуться и посмотреть в чём дело. Вернулся я, конечно же, другим путём и, выйдя на площадь, застал такую картину. Толпа любопытствующего народу ломилась на ступени банка, впереди были репортёры, которые лезли по головам, щёлкали фотокамерами, выкрикивали какие-то вопросы и ругались с полицейскими, старающимися оттеснить их от фальшиво рыдающего директора.

Потолкавшись с краю этого сбирища, я выяснил, что банк ограблен вчистую, охрана перебита, банда была многочисленной и беспощадной, что всем бандитам удалось скрыться после долгого и кровопролитного боя с полицией! Понимая, что ничего не понимаю, я ушёл с площади, унося с собой только одну приятную новость – раз никто не был пойман, значит, Фигу удалось уйти невредимым, а это уже было хорошо! Но где теперь его искать? Тогда я решил, что правильной всего будет посмотреть в тех местах, которые нам обоим были знакомы.

– Абсолютно ошибочный вывод! – прокомментировал Фиг.

– Должен признать, что это так, но откуда я мог догадаться, что ты отлёживаешь бока под кустом в парке? Это мне и в голову не пришло, тем более что о тех кустах у меня остались

весьма неприятные воспоминания! Так вот, я осторожно походил вокруг рынка, побывал у знакомых магазинов, пошатался по трущобам, но всё напрасно, этого... ну вообще его нигде не было.

Между прочим, я послушал, что говорят люди, а кое-кто при мне вслух зачитал статью из газеты, где ограбление было описано чуть более правдиво. В общем, я понял, что тут дело не обошлось без моего замечательного партнёра, а зная его характер, решил, что его будет легче найти на Луне, чем в городе! Му, как я на него обиделся! Бросить меня одного, а самому свалить с денежками! Конечно, была слабая надежда, что он меня найдёт, но куда мне до тех пор деваться, это было совершенно не понятно. И вот, значит, бреду я, как неприкаянный, думаю свою горькую думу, как вдруг кто-то окликает меня из глубины двора: "Эй, здоровяк, хочешь заработать пару центов?" Я был совсем не против того, чтобы заработать пару центов, так-как в карманах у меня было совсем пусто. Поэтому я сразу же свернул в полутёмный двор, (кстати, был уже глубокий вечер).

– Повезло же тебе! – вставил Драгис. – Хорошо, что там оказалась не шпана, а то мог бы запросто по рогам получить вместо пары центов!

– Ну и получил бы, ну и что? – огрызнулся Бык. – Я тогда был в таком настроении, что не поздоровилось бы тому, от кого я получил бы по рогам! Это была не шпана, просто местному дворнику понадобилось вытащить из двора брошен-

ный автомобиль без колёс, и я оказался рядом, как раз кстати. Работка вышла небольшая, машину я выволок со двора запросто и оттащил на пустырь, а заплатил он не два, а целых три цента!

— Богатство!

— По тем временам богатство, но самым ценным было то, что он спросил меня, а не нужна ли мне работа? Очень уж ему понравилось, как я с поломанным драндулетом управился! Конечно, работа мне была просто необходима, и он свёл меня с нужными людьми и отрекомендовал, как перспективного дворника. Вот так я и стал улицы мести. Между прочим, было вполне ничего! Я и комнатуху получил казённую в подвальчике. Маленькую такую, едва мне по размеру, как раз чтобы улечься, вытянувшись от стенки до стенки. Без удобств, но с печкой!

Я, вообще-то, неприхотливый, роскошествовать не привык, но ремонт там сделал. Покрасил всё в зелёный цвет, яблоки на стенах нарисовал и груши, умывальник повесил. Жильцы в доме меня уважали! Правда, сначала близко подходить побаивались, но потом привыкли. Тогда-то меня и прозвали Малютка-Телёнок. А что? Я не обиделся. А когда мне доверили ещё пару улиц убирать, вот тут пошли реальные денежки! Правда, правда! Я даже откладывать начал. А ещё, тогда я вот с Миком познакомился. Сперва, я его за кучу мусора принял, а потом, когда эта куча зашевелилась и голос подала, то перепугался не на шутку. А потом мы да-

же подружились! Мик, помнишь ту историю с торговкой пирожными и копом попавшим под трамвай?

Мик, который на протяжении рассказа Быка, сидел, нахмурившись и пытаясь что-то припомнить, вдруг резко вскинулся и уставился прямо перед собой глазами круглыми от ужаса.

– И что это за история? – полюбопытствовала Мегги, увидев, что пауза затягивается.

– Впрочем, это к делу не относится, – поспешил замять свою оплошность Бык. – А с Фигом мы встретились случайно.

– И вовсе не случайно! – опроверг его слова Фиг. – Разве случайно громилы Дульери пришли в мой любимый стриптиз-клуб и устроили там безобразный разгром?

– Что, твой любимый? – спросила Анджелика, не поверив своим ушам.

– Стриптиз-клуб, – ответил покрасневший Фиг. – Что в этом такого? Девочки там были, что надо, не такие, как ты, но всё же... Ой, извини! А ты, Драся не сжимай кулаки, я вообще говорю не об этом! Эти бандюги, как будто специально явились, когда меня там не было...

– Ну, это не совсем так! Они даже не знали, что это твоё любимое место отдыха, – перебил его Бык. – Так мне сказал тот громила, который выжил. Я его на следующий день в больнице навестил. Вот он перепугался! Всё мне выложил...

– А это, что ещё за история? – спросила Мегги, глаза ко-

торой снова загорелись любопытством.

– Просто, ещё один подвиг, – ответил за Быка Драгис. – Только главный герой здесь, Малютка-Телёнок.

Теперь покраснел Бык. Однако тут же улыбнулся и продолжил свой рассказ.

– Дело было так! – начал он. – Была зима, и, как назло, многоснежная, а это – проклятие всех дворников! Одно хорошо – зимой оплата больше, но и пахать надо втрое – вчетверо. В тот день я с утра до самого вечера махал снеговой лопатой, а потом метлой, а потом снова лопатой и снова метлой. В общем, намахался по самые рога, и уже предвкушал отдых в своей уютной каморке с потрескивающей печкой и корзиной яблок на ужин, как вдруг в этом самом стриптиз – клубе, ка-ак, что-то грохнет! А потом ещё и ещё! А потом вообще стекло в двери вылетело, а вслед за ним вылетел стул без одной ножки! И сразу же визг поднялся и крики, как на пожаре!

Из окон выскочили несколько мужиков, и тут же рванули врассыпную, как тараканы! Ну, тут я понял, что там стряслась беда! Девочек тамошних я знал хорошо, они частенько после работы останавливались поговорить со мной о том, о сём. К себе звали, посмотреть, значит, какие у них там бывают тёлки. Я сходил, как-то раз, но быстро понял, что мне там смотреть не на что – нет там никаких тёлок, да, и накурено было, хоть топор вешай, а я табачный дым ужас как не люблю!

А они, девочки-то, не жадные, кстати, были. Когда узнали, что я всякую зелень люблю, то угощали меня часто, то морковкой, то салатиком... Короче, как началась там заваруха, я бросил свою лопату и припустил, что было силы девчонкам на выручку! А когда вбежал внутрь, вот тут-то и пожалел, что лопату на улице оставил! Вбегаю, значит, и вижу такую картину: стулья и столы поломаны, девчонки, перепуганные к стене жмутся, два поганца с ружьями, их, бедняжек, на мушке держат, а ещё двое хозяйку на колени поставили и говорят ей что-то плохое – по лицу видно, что ей это не нравится!

Хозяйку эту я тоже знал хорошо, её почему-то все "Мадам" звали, как будто у неё нормального имени нету, хотя впрочем, может быть, просто это было плохое имя, бывают же на свете плохие имена? А женщина она была хорошая, толстая такая! Девчонки её всегда хвалили за глаза – жирной коровой называли, так она им нравилась! Она меня тоже знала, всё яблоками подкармливала, и даже в гости звала, но я так и не собрался. В общем, когда я увидел Мадам на коленях и с такой физиономией, какая может быть, как раз у порядочной коровы, которой предложили бифштекс с кровью, когда я всё это увидел, то рассвирепел немножко...

При этих словах Драгис как то странно хрюкнул, но зажал себе рот рукой, а другой махнул, что бы Бык продолжал.

– Ну, да! – продолжил Бык. – Я рассвирепел и как крикну этим мерзавцам: "А ну-ка, отпустите тётку, а то надаю

вам всем пониже спины!" И что бы вы думали? Они рассмеялись! А один из тех, что Мадам плохие слова говорили, вынимает пистолет и в меня целится! Да ещё и говорит при этом: "Пошёл отсюда дурак безмозглый, а не то башку твою продырявлю!"

Ну, тут многие знают, как я такие вещи не люблю. Я тут же пошёл на него, чтобы надрать негодюю задницу, а он, представляете, выстрелил?! Я едва голову успел нагнуть – пуля кепку снесла и слегка чиркнула меня по затылку! Этот гад рот разинул и замер как вкопанный – рога мои увидел, а я уже рассвирепел по-настоящему, и как бодну его в живот! Там на стене рога олени висели, (паскудное, кстати, украшение, но на сей раз сослужили-таки службу), так вот он на эти рога глубоко так насадился и повис на них, словно тряпка!

Я обернулся к другому, а он тоже с пистолетом в руках стоит, но не стреляет, а только трясётся весь. Белый такой стал, как скатерть, ну я его тюкнул слегка кулаком по лбу, он и обмяк, как плохо набитая тряпичная кукла, (он-то и оказался потом единственным выжившим). Но теперь, я очутился носом к носу с двумя мерзавцами вооружёнными помповыми дробовиками, и, честно говоря, уже думал, что мне конец, ведь попасть под один такой ствол, мало не покажется, а тут сразу два!

И знаете, что помогло? Когда я первого громила на рога поднял, его пистолет отлетел прямо к девчонкам, так одна

его подняла, глаза зажмурила и как пошла палить направо и налево, думала, наверное, в тех двоих с ружьями попасть, но понятное дело никуда не попала! Но это заставило их оглянуться, а мне того и надо было!

Схватил я дубовую столешницу и с размаху опустил её им на головы! Прихлопнул, в общем. Девчонки, как поняли, что опасности больше нет, так меня обступили, благодарить начали. Правда, когда рога разглядели, то некоторые даже испугались немножко, и тут же исчезли, а другие всё их щупали, удивлялись и за ушами меня чесали. Сама Мадам разрыдалась у меня на плече и сказала, что я её герой! Она совсем рога не заметила, (или сделала вид, что не заметила).

И тут в двери входит, кто бы вы думали? Конечно же Фиг, собственной персоной! Глаза круглые, в руках двустволка. Встал, и понять ничего не может. "Ну, здравствуй, – говорю я ему, – что скажешь хорошего старому другу?" Тут он окончательно меня узнал, и тоже мне на шею бросился!

– А дальше? – спросила Мегги, когда Бык закончил свой рассказ.

– Дальше, – ответил за друга Фиг, – нам пришлось уносить оттуда ноги, так-как кто-то уже вызвал полицию, а мне с ней встречаться совсем не хотелось. Быку тоже незачем было светить свои рога. Хорошо, что девочки в том заведении оказались не трепливыми! Никто так и не узнал, что в дела дона Дульери вмешался Малютка-Телёнок, а под занавес на поле брани побывал Граната – Фигольчик. Точнее Дульери

обо всём этом, в конце концов, пронюхал, но это было уже гораздо позже.

– Вернуться в свою дворницкую мне так и не пришлось, – вздохнул Бык печально. – Меня бы там рано или поздно достали.

– Зато этот день стал днём рождения банды Фигольчика! – опять заговорил Драгис. – И как не мала была эта банда, она доставила местной мафии кучу неприятностей!

– Да, но ведь и сами они были гангстерами, а значит, нарушали закон, пугали мирных обывателей, вымогали деньги и участвовали в перестрелках, так чем же они лучше тех, кто работал на этого самого Дульери? – поинтересовался профессор Прыск.

– Я могу ответить вам на этот вопрос, господин профессор! – сказал на это Драгис. – Да, они брали деньги у тех, кого принимали под свою опеку, но в отличие от клана Дульери, брали эти деньги за защиту и покровительство, а не под угрозой убийства и разорения! Поэтому их почитали за героев, и даже полиция закрывала глаза на существования маленькой банды. А что касается перестрелок, то нельзя оставаться безответным, когда стреляют в тебя! И неважно, что при этом идёт в дело, автомат или дубина, да хотя бы просто кулаки и зубы! Этот принцип существовал всегда, и будет существовать, какие бы законы не придумывали люди, ну или кто там ещё!

– Всё это спорно, спорно... – слабо возразил профессор

Прыск и глубоко задумался.

– Да о чём тут спорить? – ворчливо буркнул Бык. – Ясное дело: по рогам получаешь – рогами и отвечаешь, а если рогами не получается – врежь копытами!

– Если бы мы не отвечали выстрелом на выстрел, – встал своё слово Фиг, – нас бы сразу уничтожили! Впрочем, даже активное сопротивление не всегда помогало. Как-то раз, загнали нашу банду в угол, и если бы не он, – Фиг указал на Драгиса, – нам точно была бы крышка!

– Та-ак! – протянула Мегги. – А ну-ка выкладывайте, как было дело!

– Я думаю, что теперь его очередь, – сказал Фиг, указывая на Драгиса.

– Что ж, братишка! – согласилась Мегги. – Начинай!

Драгис поднял голову от костра, в котором что-то высматривал, потянулся, расправил плечи и начал.

Глава 6. Интермеццо Драси. Интермеццо первое – сквозь миры, влагу и пламя

Когда мы с Анджеликой взялись за концы этого проклятого формуляра, – начал свой рассказ Драгис, – я вдруг почувствовал страшную слабость и боль во всём теле. Почему это произошло, я так и не понял, но боль не отпускала, и, я с трудом удерживался на грани сознания...

– Весьма часто встречающийся болевой синдром при неудачной телепортации, – вдруг заявил Мик. – Скажите спасибо, что вас на первоэлементы не расщепило, сеньор дракон, и не спрашивайте меня, откуда я всё это знаю, всё равно не помню ничего!..

Повисло напряжённое молчание. Мик опустил голову под взглядами всей компании и вновь уставился на песок под своими ногами. Сообразив, что он сейчас больше ничего не скажет, Драгис продолжил:

– Но хуже всей этой трихомодины, было вращение! Постоянное вращение вокруг своей оси, или точнее вокруг осей, потому что их было, как минимум десять! И я вращался вокруг каждой из этих осей, пропущенных через моё тело в отдельности! Представьте себя на моём месте! У кого на такой карусели не закружится голова? А вот мне было не до го-

ловокружения. Всё моё внимание сосредоточилось на клочке бумаги, зажатом между пальцами. И этот клочок рвался! Трещина на его поверхности становилась всё длиннее и длиннее, а вместе с ней усиливалась моя боль!

Крыло, которое могло бы послужить просторной палаткой, окутало его мягким золотистым плащом, и на плечо Драгиса упало несколько хрустальных слезинок, способных наполнить бочонок среднего размера. Он ласково погладил это крыло и продолжил:

– Лицо моей Анджелики расплывалось перед глазами. Даже её рука, держащая другой конец формуляра, виделась мне, как сквозь матовое стекло...

Громкие рыдания прервали его рассказ, и все удивлённо оглянулись в ту сторону, откуда они вдруг слышались.

– Из... извините! – пролепетала Мегги, хлюпая носом. – Я не смогла сдержаться! Дрась, продолжай, пожалуйста!

– И вот проклятая бумага порвалась до конца! – снова заговорил Драгис, опасливо поглядывая на сестру. – Я вдруг понёсся в пространстве с невероятной скоростью, и невозможно было сказать наверняка, проваливаюсь я в бездонную пропасть или лечу куда-то вверх? Но двигался я при этом с такой скоростью, что оставалось удивляться, как мясо удерживается на костях.

Перед глазами мелькали странные размытые картины состоящие, как будто только из тёмных и светлых полос, прямых и стремительных, как стрелы. Время от времени это зре-

лице прерывалось, и я влетал в полный мрак, который длился, может быть долю секунды, а после, разноцветные полосы появлялись снова. Вдруг я догадался, что это миры, которые моё тело пронзает на бешеной скорости!

Управлять своим полётом я не мог, и мне оставалось только гадать – буду ли я ещё жив, когда это сумасшедшее движение, наконец, замедлится? Вдруг, оно не просто замедлилось, а внезапно остановилось. Я понимаю, что это невозможно, что при остановке на такой скорости меня размазало бы в лепёшку, но впечатление было именно таким.

– Вероятно, вы пролетели при этом ещё пару-тройку миров, дорогой Драгис, – заметил профессор Прыск, – просто такое резкое снижение скорости было воспринято вами, как полная остановка!

– Возможно, возможно! Но тогда я подумать об этом не успел, потому что вдруг почувствовал, что погружаюсь во что-то мягкое, мокрое, похожее на гигантскую водяную каплю. Как меня в эту каплю занесло, и почему это должно было походить именно на каплю, я не успел сообразить, а размышлять было совершенно некогда. Только что я летел, и вот вода уже сомкнулась за моей спиной!

Однако вскоре я сообразил, что это была не вода, точнее не совсем вода. Несмотря на плотную структуру, этой жидкостью, (или чем там было это вещество?), можно было дышать! Я это понял потому, что сам сделал несколько произвольных вдохов. Оказывается, я не дышал во время свое-

го бешеного полёта и теперь задышал полной грудью, хотя первое впечатление было таким, что я вот-вот захлебнусь! Удовольствие от такого дыхания, понятное дело, ниже среднего, ведь вгонять в лёгкие некую субстанцию, во много раз плотнее воздуха, было и тяжело, и даже больно.

Кстати та боль, которую я испытывал вначале, как-то незаметно прошла, чему я весьма порадовался, но без особого восторга, так-как моё положение было совершенно неясным, а что случилось с Анджеликой мне было вообще неизвестно. Ко всему прочему, вдруг всё пространство заволоклось тьма, и я пожалел, что не успел хотя бы немного оглядеться в этом мокром мире.

Сначала я попытался делать гребковые движения, как во время плавания, но вскоре бросил эту бесполезную затею. И в самом деле, куда плыть, если вокруг ничего не видно? Ну, приближусь я в этой темнотище к какому-либо берегу и что? В лучшем случае не смогу понять, где там верх, а где низ, а в худшем разобью себе голову. К тому же, во время движения, кислорода потребовалось больше, а при таком затруднённом дыхании я быстро начал уставать. Поэтому я решил лечь в дрейф, вытянув руки перед собой, как раз на случай встречи с твёрдыми предметами. Вскоре я понял, что эта предосторожность не была лишней.

Не знаю, сколько времени я парил во влажном мраке, но вдруг мои руки упёрлись во что-то скользкое, липкое и холодное. Это нечто было огромным, мягким и упругим, а кро-

ме того, я почувствовал под ладонями ритмичную пульсацию и понял, что наткнулся на живое существо! Врядли это открытие можно было назвать удачным. Тварь такого размера вполне могла счесть меня подходящей добычей, а в мои планы на ближайшее будущее не входило стать чьей-либо закуской.

Как можно осторожнее, я оттолкнулся от этой живой стены, сделал несколько гребков назад и... наткнулся на такую же стену! Что это? Другая такая же тварь? Тогда эти невидимые гиганты, сошедшиеся так близко, могут расплющить меня, как букашку! Это означало, что я должен плыть вдоль их боков, чтобы выскользнуть из неожиданной ловушки.

Опасаясь потерять направление, я время от времени подплывал то к одной, то к другой живой стене, и потихонечку прикасался к ним, каждый раз боясь потревожить скользких гигантов. Через некоторое время я понял, что зазор между этими боками сужается! Вот, я могу дотянуться до них вытянутыми руками, а вот, руки уже не надо вытягивать в стороны на всю длину! Вскоре я понял, что мои плечи едва помещаются в узкую щель между громадными телами, и если так пойдёт дальше, то я застряну!

Тогда я попробовал проплыть вверх. (Я называю это направление "верхом" условно, так-как никаких ориентиров, кроме двух скользких боков у меня не было). Увы, мои надежды не оправдались – вверху сужение прохода оказалось ещё более резким. Попытка проплыть "вниз" закончилась

тем же результатом. Тогда я решил вернуться и тут же получил сюрприз – сзади живые стены сужались ещё резче, чем впереди, сверху и снизу! Как это? Ведь я только что проплыл этим путём, а теперь дорога для отступления была закрыта!

С досады я хватил кулаком по одной такой стенке, и вдруг она выгнулась настолько, что мне вновь удалось раскинуть руки! Не успел я обрадоваться, как проклятые бока прижались друг к другу и я почувствовал себя черепахой, на которую сел слон! То есть, я не был раздавлен до конца, но дыхание оказалось почти перекрыто...

– Это, что! – вдруг перебила его Анджелика. – Мне довелось побывать в таком положении между зубов твоего папы, а они были твёрдые и острые!

– О, я тебя понимаю! – поддакнула Мегги. – Когда мне было только пятьдесят лет от роду, меня чуть не сожрал Огнеплюй! Мне повезло, что он собирался проглотить меня, лишь слегка пожевавши! Мама буквально схватила его за хвост и встряхнула так, что я вылетела! Ох, и досталось ему тогда...

– А кто это, Огнеплюй? – поинтересовался Бык.

– Это наш старший братец! – ответил за сестру Драгис. – Та ещё личность! Он даже среди драконов слывет задирой и нарушителем порядка! Родители им очень гордятся, а вот нам с Мегги, как самым младшим, всегда от него доставалось, пока мы не объединились и не применили мозги там, где не могли действовать силой! Но это отдельная история, я

её как-нибудь потом расскажу, а сейчас, если никто не против, то пожалуй, продолжу ту, что начал?

Никто не был против, и Драся продолжил:

— Меня спасло то, что с самого начала я был увешан оружием, и оно так и осталось при мне, несмотря на головокружительный полёт. Нет, применить его в той ситуации не было никакой возможности, но то, что меня сжало, упёрлось в острые и твёрдые части моего арсенала закреплённого за плечами и по бокам. По-видимому, боль, которую причинили живой плоти, изделия из доброй стали, заставила её отпрянуть, и я смог сделать полный вдох, а потом поплыл, что было силы в ту сторону, где мне представлялся выход! Ну, и, конечно же, наткнулся на мягкую скользкую стену, которая от меня отпрянула, как-бы в испуге, но тут же вернулась на место.

Уже не опасаясь потревожить нечто, взявшее меня в плен, я ощупал эту стену и понял, что она приобрела вогнутую форму. Это открытие навело меня на весьма тревожные подозрения, которые не замедлили оправдаться — я находился не между боками двух огромных живых существ, а в некой полости одной гигантской твари, и эта полость могла менять форму! Сейчас она имела вид сферы. Оставалось только гадать, что это за резервуар, и не служит ли он ей желудком? Впрочем, это соображение вселило в меня некоторую надежду, ведь всякий желудок, как правило, имеет, по крайней мере, два выхода...

При этих словах Драгиса, Фиг покатился со смеху, но его в этом никто не поддержал.

– И каким же ты воспользовался? – спросил, вдоволь насмеявшийся, Фиг.

– Сейчас расскажу, – продолжил Драгис, не моргнув глазом. – Став человеком, я утратил все драконьи свойства, кроме одного – способность изрыгать огонь! Конечно, этот огонь не чета тому, которым я владел раньше, но и его хватит на то, чтобы зажарить быка... Бык, не обижайся, я не тебя имел в виду! Предположив, что нахожусь внутри, какого-то монстра, я не стал ждать, когда меня переварят, а подплыл к стенке желудка в упор, и выдохнул огненную струю средней силы.

То, что произошло потом, я осознал далеко не сразу, а тогда это выглядело следующим образом – по глазам полоснула вспышка яркого света, на ушные перепонки навалилась страшная тяжесть, как будто меня хлопнул по ушам великан, и мне показалось, что всё моё тело разрывается на части или точнее, как сказал наш падре Микаэль – на первоэлементы! Это длилось, какую-то долю секунды, после чего, тьма, ещё более глубокая, чем та, в которой я провёл последнее время, заволочла всё вокруг, и я потерял сознание.

Очнулся я, спустя одну или две вечности, хотя из-за отсутствия часов не могу сказать, сколько времени прошло на самом деле. Станным было место, в котором я очутился. Я лежал на склоне какой-то горы, земля подо мной была чёр-

ного цвета, словно уголь или графит, а ещё она была горячей! Почти нестерпимо горячей! При этом дул совершенно ледяной ветер, который нёс чёрные, похожие на снег, хлопья. Небо тоже было чёрным, точнее его совсем не было видно за чёрными вихрями, оказавшимися на поверку пеплом. Вся эта картина освещалась красными бликами, источник которых находился где-то сбоку. Я повернул голову в этом направлении и увидел, что весь горизонт залит огненным заревом, а пейзаж передо мной представляет выжженную равнину с безлесными выпуклостями холмов.

Через некоторое время я нашёл в себе силы сесть, и тут с моих плеч посыпалась какая-то труха, в которой я с удивлением узнал свою одежду! Дальнейший осмотр привёл меня в совершеннейшее уныние – не только одежда, но и вся моя амуниция превратилась в пепел, а оружие оплавилось и ломалось от прикосновения.

Стряхнув с себя остатки того, что было когда-то моим снаряжением, я наконец-то встал, и, хоть голова при этом страшно болела, а к горлу подступала тошнота, всё же смог сделать несколько шагов, чтобы обрести равновесие. Пепел забивал мне глаза, и если бы не родство с огнём я бы, наверное, задохнулся, так густо сыпал с неба проклятый чёрный снег!

Между порывов ветра мне удалось разглядеть, что моя гора имеет относительно пологий спуск и переходит в более или менее ровную долину, на первый взгляд пригодную для

ходьбы. О том, куда мне идти я не имел ни малейшего представления, но сидеть на месте было ещё более бессмысленно. Поэтому я пошел, куда глаза глядят, а точнее вообще наугад, потому, что глаза из-за сплошного пепла, почти всё время приходилось держать закрытыми.

Я уже упомянул, что всё произошедшее было осознанно мною гораздо позднее, но вам свои соображения думаю высказать прямо сейчас. Итак, дохнув огнём в мире, где огня никогда и ни в каком виде не было, я волей-неволей стал причиной катастрофы приведшей к гибели этого мира. Субстанция принятая мной за воду, на самом деле была даже не жидкостью, а чем-то ещё, каким-то горючим веществом к тому же наполненным кислородом, и представляющим собой идеальную пищу для огня. В общем, от моего пламени произошёл взрыв, который спалил тот мир дотла вместе со всем, что в нём было, а я сейчас вышагивал по его обгорелым останкам!

Как я выжил при таком колоссальном взрыве, осталось для меня полной загадкой. Вероятно, меня спасло то, что я был в самом эпицентре взрыва, который распространялся от меня во все стороны, а может опять помогло родство драконов с огнём, кто знает? Загадкой было также и то, почему часть кислорода всё же осталась в атмосфере, с горем пополам пригодной для дыхания. Но в тот момент я ни о чём таком не думал. Меня больше всего волновало, как бы, при нулевой видимости, не оступиться и не переломать себе ноги!

Очень долго я просто тупо брёл, заслонив глаза одной рукой, а другой, ощупывая пространство перед собой, пока не наткнулся на скалу, преградившую мне путь. На моё счастье в скале нашлась дыра или точнее ниша, в которой я поместился, свернувшись клубком, уткнув нос в колени и накрыв руками голову. Сколько я так просидел, не знаю, но, по-видимому, меня сморил сон, в котором мы с Анджеликой снова были вместе, и никуда не надо было лететь...

Ещё пара слезинок, которых с избытком хватило бы для утреннего умывания, упали ему на плечо, а потом тёплая щека способная служить подушкой прижалась к нему, и Драгис, как мог, обнял свою возлюбленную за колонноподобную шею. С другой стороны костра сдавленно полувсхлипнула, полухрюкнула Мегги. Рассказчик, тоже глубоко вздохнул и продолжил своё повествование:

– Наверное, забытьё длилось очень долго, так-как проснувшись, я не сразу смог двинуться с места. Сперва мне показалось, будто я связан, но после нескольких попыток, мои руки и ноги вновь обрели способность двигаться. Выбравшись на четвереньках из своего убежища, я выпрямился во весь рост и огляделся вокруг.

Ветер утих, и воздух был чист и холоден. Мир, в котором я находился, был покрыт густым слоем пепла, ставшего из чёрного серым. Зарево на горизонте погасло, но тучи застилавшие небо разошлись, и теперь всё вокруг было залито ровным безжизненным светом, испускаемым непри-

вычно близкими и крупными звёздами. Картина напоминала негатив зимнего пейзажа. Такое, наверное, можно увидеть на земных полюсах в тихую погоду. Звуков не было совсем. Этот мир был мёртв и медленно остывал, отдавая жар своей предсмертной агонии безразличной вселенной.

Я чувствовал, как земля под моими ногами становится холоднее и холоднее. Если так будет продолжаться, то никакого драконьего жара не хватит, чтобы согреть тело лишённое внешних источников тепла и даже одежды. Кроме того, я почувствовал страшный голод, а вокруг не было не только каких-либо признаков пищи, но и воды. Как я тогда пожалел, что не могу самопроизвольно передвигаться между мирами, как наши родители или старшие братья! Три или четыре мира, которые нам с Мегги было разрешено посещать, лежали далеко, и я не знал способа проникнуть туда из этого жуткого места.

Итак, мне предстояло погибнуть здесь от холода и голода, в полном одиночестве. Согласитесь, что от таких мыслей нетрудно впасть в уныние? И всё же я решил не сдаваться! Подавив в себе желание, залезть обратно в дыру под скалой, я повнимательнее пригляделся к окрестностям, и вдруг заметил уходящую под уклон ложбину, напоминающую русло высохшей реки. Сугробы пепла в ней тоже напоминали волны.

Недолго думая, я пошёл по этой импровизированной дороге, не надеясь ничего найти в конце пути, но, не желая по-

гибнуть в бездействии. Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, я начал напевать себе под нос старинную балладу о доблестном юном драконе, одержавшем победу над страшным рыцарем, и тут сообразил, что таким образом можно отсчитывать время!

Это показалось даже забавным, мерить время песнями, и я принялся их вспоминать одну за другой. Спел и "Войну драконов и ящеров", и "Хвала золоту!", и "Горите города, и жители бегите!", и многое другое. Потом припомнил песенки о любви: "Прекрасны щели жёлтых глаз!", "Коготки моей любезной", "Этот гребень на спине не даёт покоя мне!", ещё что-то в том же духе... Исчерпав репертуар взрослых, перешёл на детские песенки, вроде – "Первый огонёк из ротика" или "Твой милый хвостик, мой малыш...". Потом я прикинул, сколько я так шёл, взбивая тучки пепла на своём пути и решил, что прошло не менее земных суток! Когда я уже совсем осипшим голосом пытался изобразить колыбельную – "Моё яичко дорогое!", в отдалении вдруг послышался плеск воды!

Звук был так слаб и неясен, что поначалу я принял его за слуховую галлюцинацию, но тут ноги сами понесли меня вперёд! Вероятно, интуиция взяла верх над сознанием, незаметно для себя я побежал в ту сторону, откуда слышался этот плеск, по дороге пару раз навернулся, расцарапал себе руки и колени, набил шишку на лбу, но летел вперёд, как сумасшедший и всё выкрикивал на ходу про самое красивое

в мире яичко!

.....

Рассказчик прервался, чтобы перевести дух и дать успокоиться Фигу, который катался по земле, зажимая ладонью рот. Его веселья, по прежнему никто не разделял, кроме, может быть, оптимистично пофыркивающего Быка.

– Я бы, наверное, тоже смеялся, дружище! – сказал, наконец, Драгис, опуская свою большую руку на плечо Фига. – Смеялся бы до упаду, если бы увидел такую картину со стороны! Но тогда, какой уж там смех! Споткнувшись в третий раз, я влетел в воду с головой, но теперь это уже была настоящая вода! И она была горячей, почти кипящей! А ещё, она была такого же чёрного цвета, как и всё в этом мире! Поэтому, наверное, я, полуслепой и отупевший, не заметил разницы между волнами и покрывавшим берега реки пеплом! Да, это была река, и течение в ней было очень быстрым...

– Понимаю, – вновь перебила его Анджелика, – знаю, что такое попасть в быстрое течение! Только вот мне река досталась не горячая, а холодная, точнее ледяная! А потом был океан и Колдовской замок...

– Меня тоже вскоре вынесло на большую воду! Вот только в замок попасть не получилось. Я боролся с волнами, пока не потерял сознание, а очнулся совсем в другом месте.

Драся снова замолчал, чтобы откашляться и помотать головой. При этом он улыбался; вероятно, нахлынувшие воспоминания были ему чем-то приятны.

Интермеццо второе – деревянный дракон и сага об Ангелинде

– Когда я открыл глаза, то сначала решил, что вижу сон, таким нереальным мне показалось то, что нависло прямо над моим лицом. А что я ещё должен был подумать, увидев перед собой драконью голову с золотыми клыками и жёлтыми светящимися глазами, страшными в своей неподвижности?! Эта голова неестественно покачивалась, как бы пытаясь разглядеть меня получше, а её оскал не сулил ничего хорошего! Сперепугу я даже обратился к этой голове на общедраконьем языке, но ответа не последовало.

Тогда я огляделся вокруг и понял, что лежу на спине, поверх кучи, свободно дрейфующего, плавника, а странный неподвижный дракон плывёт прямо на меня, слегка покачиваясь на невысоких волнах. И тут меня охватил подлинный ужас! Я вдруг понял, что этот дракон... состоит из дерева!

В наших легендах говорится об огненных драконах, о каменных драконах, о драконах из тумана, но нигде не упоминается о драконах растущих подобно деревьям, да ещё и посреди моря! В следующий миг деревянное чудовище, которому я точно не нравился, ударило грудью в мой плавучий остров, и я с головой окунулся в воду! На этот раз вода показалась мне не только не горячей и даже не тёплой, а весьма

и весьма холодной, от чего я инстинктивно вылетел на поверхность и схватился за длинный прямой отросток на теле деревянного дракона.

Что это было, тонкая лапа или корень, разбираться было некогда, но вдруг этот отросток задёргался и попытался меня сбросить! Ко всему прочему откуда-то сверху послышалась отборная ругань, которую могло издавать только человеческое существо!

Подняв глаза, я увидел сквозь заливающую их воду, несколько бородатых голов торчащих над спиной дракона. Рожи у этих мужиков были недобрыми, удивлёнными и даже свирепыми. Один из них что-то с силой дёргал на себя, и в такт его движениям дёргалась та штука, за которую я держался. Повернув голову влево, я увидел, что весь бок деревянного дракона сплошь утыкан подобными отростками длинными и тонкими.

"Так это копыта!" – пронеслось у меня в голове. Я решил, что эти люди, наверное, убили дракона, а теперь собираются использовать его тушу в своих целях, съесть, снять шкуру или сделать ещё, что-нибудь оскверняющее! Забыв, что я сейчас тоже принадлежу к расе этих бородачей, я решил отомстить за погибшего сородича, а потому рванул вверх, цепляясь за что попало, отшвырнул одним ударом двоих или троих близ стоящих и... оказался на палубе здоровенной лодки, посреди её перепуганных и рассерженных хозяев!

Я сказал «перепуганных», и это было действительно так,

вот только эти люди относились к той категории, которая, испугавшись, не убегает и не прячется, а лезет в драку! А ещё, весьма скверно было то, что у многих из них в руках засверкали топоры, а кое-кто уже достал мечи и окованные железом дубинки из стоящих тут же сундуков.

Объяснилось сразу всё – то, что я принял сперва за дракона, было на самом деле драккаром – боевым кораблем, построенным в виде большой лодки! Длинные прямые отростки по бокам, оказались не копьями, а вёслами, торчащими из бортов, а бородатые мужики с топорами в руках, конечно же, были викингами!

А вот кем показался им я, это было пока неясно, но сейчас они держались от меня на приличном расстоянии, хотя сверкающие из-под кустистых бровей глаза, и руки, сжимающие оружие выдавали не самые добрые намерения. Ситуация была напряжённой, и я понял, что на меня сейчас бросятся! Нет, я вовсе не испугался, но из того, что мне довелось, когда-то читать об этих типах, я помнил, что они свирепы, бесстрашны и ещё опаснее рыцарей, а у меня из оружия были только собственные руки, ведь даже на огонь, после такого количества проглоченной воды, надеяться не приходилось! Итак, я стоял и ждал начала потасовки, когда вперёд выступил самый здоровенный, ну и, конечно же, самый бородатый из них.

– Скажи мне своё имя, злобный дух! – обратился ко мне этот бугай, в котором я без труда распознал вождя.

– Если я скажу тебе своё имя, могучий ярл, – ответил я ему, – ты завладеешь моей душой, а это мне совсем не нужно!

Викинги неодобрительно загудели и придвинулись поближе. В глазах их старшего появилась хитринка, и он выдвинул другое требование:

– Тогда поведай нам, кто ты? Злой колдун, порождение Утгарда или просто утопленник? Ведь должны же мы знать, кого сейчас изрубим в куски и выкинем обратно в море?!

Что мне было делать? Сказать им правду? Не поверят – я и сам во всё, что произошло со мной, верил с трудом! И тогда я набрал побольше воздуха, призвал на помощь всё драконье лукавство, на которое только был способен и понёс следующую околесину:

– Так слушайте же храбрые воины, и ты великий вождь, мою историю! Отец мой – морской старик, пастух китовых стад. Вуглуф, его имя. Он живёт в утёсе, что стоит под водой недалеко от того места, где голова Йормундгад лежит на её же хвосте. Вы там не бывали?

Бородатые дядьки отрицательно замотали головами. Нет, они там не бывали, но адрес, который я им назвал, ни у кого не вызвал сомнения. Забавно было то, что они не выпустили оружия из рук, но по глазам, враз заблестевшим от любопытства, было видно, что изрубление меня в куски откладывается.

– Моя мать, дочь Хрёдрика-ярла от пленной воительницы

Уухан, из лесного клана Сипухи. Не слыхали о ней? Винган её имя. В молодости она была валькирией, и как-то раз, когда мчалась по заданию Одина на небесном коне, падающая звезда угодила ей прямо в щит. От удара она не удержалась и свалилась в море. Там её хотел сожрать змей Нагн, младший сынок старушки Йормундгад, (правда, некоторые болтают, что он не сожрать её хотел, а лишить звания валькирии... ну, вы меня понимаете?). Да суть не в том, что он хотел сделать с моей родительницей, а в том, что отец не дал ему это сделать, отобрал маму Винган у змея Нагна, но его самого убивать не стал, потому что не захотел ссориться с Йормундгад. Обратил он Нагна в тюленя, но не рассчитал, что хищный нрав змея нельзя извести и получился у него кусачий злобный тюлень, который дал начало роду морских котиков. А звания валькирии, красавицу Винган старый Вуглуф лишил сам, взяв её в жёны, от чего я и родился. Посудите сами, кто я, по-вашему?

Викинги помолчали, переваривая услышанное. Больше всего я боялся, что меня уличат во лжи, но никто, похоже, не собирался ставить мой рассказ под сомнение. На самом деле их волновало другое – какую выгоду они могут извлечь из моего присутствия, и не будет ли от этого вреда.

– А скажи нам, сын почтенного Вуглуфа, о котором я, правда, не слыхивал доселе, что привело тебя на поверхность моря, и почему ты не в родительском доме? – спросил у меня вождь, в глазах которого так и плескалась хитрость

пополам с любопытством.

Я ещё раз вдохнул поглубже и продолжил свою повесть:

– Случилось так, что я поссорился и с отцом, и с матерью. А произошло это от моей любви к прекрасной Ангелинде!..

Тут я сделал эффектную паузу и печально опустил голову. Это было совсем не трудно, так-как здесь врать почти не приходилось. Краем глаза я подметил, что кое-кто из морских воителей уже присел на сундук, положив оружие на колени и подперев голову.

– А кто это, прекрасная Ангелинда? Тоже валькирия? – спросил вождь, нахмутив лоб, как будто, что-то припоминает. Наверное, он знал всех девушек своего народа наперечёт.

– Нет, – отвечал я самым грустным голосом, – Ангелинда не валькирия, Ангелинда – юная самка дельфина!

Тут раздался глухой удар и короткий вскрик, это один из воинов уронил себе на ногу тяжёлую булаву. Я оглянулся вокруг и чуть не расхохотался, увидев раскрытые рты и выпученные глаза бравых вояк! Я понял, что слегка заврался, но отступать было некуда, и я понёс дальше:

– А что тут такого? Я с детства привык к обществу дельфинов они ведь служат моему отцу, как людям служат собаки, только отношение у морского старца к ним получше, чем у людей к земным псам! Любит он их, как своих детей. Часто я сам дельфином оборачивался и плавал с дельфиньим стадом, иногда по несколько лет.

Мы с Ангелиндой полюбили друг друга, когда компания молодых дельфинов, тайком от стариков, решила сплавать посмотреть на вход в Утгард, а сами чуть не угодили туда всей толпой! Когда мы подплыли к краю этой жуткой ямы, куда с рёвом низвергаются морские волны, течение понесло нас с огромной силой, но я вовремя опомнился и скомандовал поворот!

Долго мы боролись с обезумевшей водой, но победа была за нами, и мы уже совсем вырвались, когда я услышал чей-то жалобный стрёкот! Кричала молоденькая дельфинья, самая младшая из нашей компании, ещё не спевшая песню любви ни одному из стремительных пловцов океана! Она совсем выбилась из сил, и страшное течение тащило её к краю кошмарной бездны! Как молния бросился я на выручку этой красавицы, а в голове билась только одна мысль – как же мне её вытащить?! И тут я вспомнил, что ведь я наполовину человек и тогда я превратил свои плавники в руки, которыми тут же крепко обхватил скользкое девичье тело!

Как мы выбрались, сам не знаю! Наверное, вмешался кто-то из Асов, но через некоторое время, показавшееся вечностью, мы лежали на поверхности моря, совершенно без сил, а наши друзья поддерживали нас, не давая утонуть. Пасть Утгарда была уже очень далеко!

Я замолчал, чтобы ещё раз перевести дух и тут кто-то накинул мне на плечи тёплый плащ подбитый мехом, а другой сунул в руки кружку с чем-то горячим и пенистым. Это ока-

залось подогретое пиво, которое пришлось как раз кстати! Правда! Тогда мне показалось, что я не пил ничего вкуснее этого божественного напитка! Викинги уже не стояли, а все, включая ярла, сидели кто, на чём вокруг меня. Я тоже присел на бухту каната и продолжил:

– Прошло немного времени, и мы с Ангелиндой стали неразлучны. Её, правда, немного смущало то, что я не совсем дельфин, но пока мы были вместе, я не принимал человеческого облика. Сами понимаете, что такая дружба очень скоро привела нас к тому, что мы спели друг другу песню любви, и уже приближался тот день, когда мы должны были станцевать брачный танец, но всё внезапно рухнуло!

Надо было мне сразу рассказать родителям об Ангелинде, может быть всё ещё и неплохо бы закончилось. А может, надо было до конца держать всё в секрете, а потом предъявить им выводок внуков? Получилось ни так, ни сяк! Нас погубило любопытство. Моя возлюбленная много расспрашивала меня о жизни и природе людей, но я сам о них знаю только по рассказам матери. Вот тогда-то, в недобрый час я и ляпнул ей, мол, чтобы понять, как это, быть человеком, надо самому побывать человеком!

И представляете? Она загорелась этой идеей и стала меня упрашивать, чтобы я превратил её в человека, хоть на время! Признаться, я был огорошен, ведь это не одно и то же, превратиться самому или превратить кого-то ещё. Мой отец, он ведь из младших богов, может это проделать с лёгкостью,

а вот я, нет!

Для того чтобы исполнить желание моей возлюбленной, потребовалось бы достать кое-что из магических предметов отца, которыми полон его чертог, а сделать это было нелегко. И всё же я решился! Мы с Ангелиндой выбрали время, когда мои родители отправились за каким-то делом в Асгард и проникли в скалу Вуглуфа. Я никогда не считал себя мастером в колдовстве, мне больше нравилось гонять с дельфинами по океану, но тут я справился или мне несказанно повезло.

Короче, когда все ритуалы были завершены, передо мной, посреди круга, изображающего вселенную, лежало самое прекрасное в мире существо, красоту которого я даже не мог себе представить! И это существо было человеком, то есть моей Ангелиндой в человеческом обличье! Я и раньше видел земных женщин, но лишь издалека, когда они стояли на берегу. Много раз видел утопленниц, но сами понимаете, это зрелище не из приятных.

Новый облик моей возлюбленной подействовал на меня, как удар молнии в железную скалу! Мир засиял множеством красок! Тёплая волна окатила меня с головы до ног, (я ведь тоже в тот момент был человеком), я протянул руки, чтобы заключить любимую в свои объятия и тут... Да! Конечно же, вернулись родители!

Не буду говорить о сцене, которая потом произошла, но уверяю вас – это было не лёгкое испытание! Маму больше

всего рассердило то, что я испытывал страсть к самке дельфина, отец был возмущён тем, что я превратил дельфинью в человеческое существо, да ещё и израсходовал при этом, некий артефакт, которым он очень дорожил. Хуже всего было то, что я не в силах был помочь моей несчастной Ангелинде, от которой меня так жестоко оторвали! Она ведь совершенно не умела пользоваться человеческим телом, и только хлопала глазами, жалобно стрекотала и всё пыталась уплыть!

В конце концов, родители твёрдо решили нас разлучить, и для этого закинули мою девушку куда-то в мир людей. Закинули беспомощную! Вот тогда я закатил им страшный скандал, заявил, что ухожу из дома, и не вернусь, пока не найду Ангелинду, чтобы сделать её своей женой! Мне задали трёпку, но я стоял на своём, и тогда отец заявил, что навсегда лишает меня способности снова стать дельфином или каким-либо ещё существом, кроме человека, что вернуться домой я могу, только если совершу такой подвиг, которого ещё никто не делал, после чего выкинул меня из своего чертога, так быстро, что даже мама не успела ему помешать!

Преодолевая толщу воды в человеческом виде, я чуть не захлебнулся, но всё же вынырнул на поверхность и уцепился за ту кучу мусора, на которой вы меня нашли! А теперь, храбрые воины и ты могучий ярл, можете изрубить меня в куски и бросить обратно в море, если ещё не передумали!

Морские бродяги, как будто внезапно очнулись от сна, и начали перешёптываться, но никто не высказывал своё мне-

ние, открыто пока не заговорил ярл. Он подумал немного и сказал следующее:

– По нашим обычаям, ты, изгой из родительского дома не можешь быть принят, как равный, но я дам тебе своё покровительство на то время, пока ты подрастёшь, как человек, не будь я ярл Ванхаген! Будешь выполнять ту работу, которую тебе дадут, будешь учиться жить по нашему, и тогда, может быть, станешь одним из нас, в чём я лично сомневаюсь. Что же касается поисков твоей невесты, то не советую начинать их сейчас, ведь мир людей достаточно велик, и лучше порасспросить о ней сивилл, а не идти наобум, куда глаза глядят. Скоро мы будем в Скулланде, где между сторожевых скал лежит мой фьорд. Там и поговорим о твоей дальнейшей жизни, а пока отдыхай, дома будем завтра, если на то будет воля Одина!

Интермеццо третье – фьорд, Анхеллинда и непосильный труд

Так и началась моя жизнь среди викингов. Ох, и хлебнул я тогда разного "веселья"!

Поначалу я думал, что меня нагрузят самой тяжёлой работой, и когда драккар приблизился к заветному берегу, направились было к свободному месту гребца. Но лишь я протянул руку к веслу, как вокруг собралось такое общество бородатых недоброжелательных лиц, какого я не видел даже при первом появлении на борту! Оказалось, что работа с веслом это не наказание и тяжкий труд, а великая честь, которой я, как изгой, совершенно не достоин!

Когда прибыли на место, а это длилось долго, так-как вход во фьорд, да и сам фьорд были сплошь утыканы подводными и надводными рифами, викинги подхватили свои пожитки, и, нагрузив их плечи, подобно муравьям, потащили на берег. Мои попытки помочь, были пресечены в корне, самым злобным и сварливым образом. Я подумал тогда, что слова ярла о особо тяжёлой и сложной работе, которая ждёт меня на берегу, были шуткой. О, как я ошибался!

На берегу меня ждало... равнодушие! Я имею в виду равнодушие со стороны женщин и детей, которые прыгали от восторга при виде своих мужей и отцов, а по незнакомцу

скользили невидящими взглядами, как будто я был прозрачный. Поначалу, я решил, что они меня и в самом деле не видят, но когда все разбрелись по домам, (наполовину землянкам, наполовину пригоркам покрытым дёрном), и я остался на улице один, меня вдруг окружила целая толпа детей от года, до семи лет, которые дёргали меня за одежду, лезли на плечи, что-то орали в уши, что-то спрашивали, чего я не мог понять, и вообще, рассматривали и изучали меня, словно я был ручной обезьянкой.

Я стоял, изображая из себя чурбан, которому всё равно, что с ним делают, иногда отвечал на вопрос, скорее всего невпопад, но похоже это никого не волновало. Детям я явно нравился, правда, не скажу, что мне нравилось то, что они со мной вытворяли. Время шло, я ждал, когда они, наконец, устанут, но они уставать не собирались, зато я устал, как от пятисуточного перелёта без отдыха, (тот, кто это делал, меня понимает!).

Нет, я не испытывал к этой ребятне никаких злобных чувств. Наоборот, они мне очень нравились, но я не знал, как вести себя, что делать дальше и вообще, что меня ждёт, и когда, наконец, начнётся та работа, которой грозил мне ярл? Через некоторое время я заметил, что к нашей компании прибавились новые люди.

К моему удивлению это были молодые женщины и девушки, которые не приближались, а поначалу осторожно выглядывали из-за жилищ, хозяйственных построек и пленниц, а

потом стали подходить всё ближе и вести себя смелее. Некоторые держали на руках младенцев, другие делали вид, что играют с облепившей меня мелюзгой, а иные подходили с вызовом во взгляде, но тут же отворачивались и фыркали.

Вдруг, моих маленьких мучителей и любопытных молодых, как ветром сдуло! Я внезапно почувствовал себя одиноким и беззащитным. Почему-то стало холодно! Мою спину сверлил чей-то взгляд, и, честно говоря, я бы лучше встретился в открытом бою с десятком викингов, чем обернулся на этот вызов. Но я обернулся и тут же пожалел об этом!

В двух шагах от меня стояла женщина. Но какая женщина! Ростом она была почти с меня, но это ещё не самое главное! В ширину она превосходила меня вдвое, но опять же таки, пугало не это! Страшен был её взгляд. Взгляд из-под низко опущенных густых, светлых бровей, взгляд между кос, цвета спелой соломы, вываленных спереди на необъятную грудь, кос толщиной с мою руку! Лицо этой женщины было шириной не на много меньше её плеч и украшено двумя подбородками, а плечи – почти вровень с талией, на которой не сомкнулись бы мои руки, если бы мне вдруг пришла в голову безумная мысль – обнять эту бабу! Снизу было ещё одно расширение, в полтора раза превышавшее и плечи, и талию! Ног её я не разглядел, так-как они были скрыты длинной вышитой юбкой. Странно, ведь я никогда раньше её не видел, и всё же было в ней, что-то очень знакомое.

– Так это ты ищешь девушку по имени Ангелинда? – спро-

сила она низким грудным голосом. — Так вот, Ангелинда, это моё имя, и я сестра ярла! Вижу, вижу, что я не та о ком ты рассказываешь сказки одинокими ночами своему маленькому брату, когда гладишь его по головке! А жаль, ведь я тоже девушка, правда Один не призвал меня в свою гвардию валькирий, так что приходится справляться здесь со всем хозяйством. Я смотрю, ты любишь детей? Значит, к детям тебя и приставим!

И она повела меня в дом, где сначала я получил миску шикарной ячменной похлёбки с салом, кусок хлеба и кружку пива, не хуже чем тогда на корабле, а потом мне вручили одного младенца в руки, другого привязанного простынёй за спину, ещё двух в колыбелях и пяток ползающих на полу среди разбросанных игрушек. Вот, когда я пожалел о том, что сразу не захватил драккар и, не побросал храбрых викингов за борт, а принял условия поставленные ярлом! Так началась моя каторга.

Поначалу было очень тяжело. Самым трудным было то, что команда маленьких засранцев всё время норовила спать, есть и орать одновременно. Причём, когда засыпал один, тут же начинал орать второй и будил первого, а к ним неизбежно присоединялись все остальные. Или, например, когда наступало время кормить тех, что постарше, (младших кормили грудью без моей помощи, причём никто из мамаш совершенно меня не стеснялся), так вот, только поднесёшь ложку какому-то карапузу, как его товарищ тут же рядом обяза-

тельно обделается, а пока за ним убираешь, тот, кого ты собрался кормить, либо обделается сам, либо сядет в тарелку, ну, и, конечно, все остальные немедленно нороят выкинуть что-либо в том же духе!

Наверное, я так бы и погиб под гнѐтом невыносимых забот или сошёл бы с ума, но меня пожалели молодухи. Сначала они всё заглядывали в дверь и смеялись, потом принялись помогать, а, в конце концов, стали даже подменять меня на сон и еду. Прошло, наверное, недели полторы, дело пошло на лад, и я стал привыкать к своей роли няньки, но как-то раз нас застучала злыдня Ангелинда, (кстати, её на самом деле звали Анхеллинда, но это я так, к слову). Она заявила как раз, когда две румяные белокурые бабѐнки пеленали моих подопечных, а я развлекал их, (бабѐнок), какими-то баснями.

– Та-ак! – пропела почтенная сестра ярла, уперев руки в крутые бока. – Я вижу, ты неплохо ладишь с женщинами, а они с тобой! Значит, сможешь справиться и с другой женской работой, и не пропадёшь в бабьей компании!

Не подозревая подвоха, я пожал плечами и отправился с ней в другой дом. В душе я даже радовался смене деятельности, так как профессия няньки была мне несколько не по нутру. Анхеллинда привела меня в просторный, но плохо освещѐнный дом, в котором было мало места, так-как он оказался сплошь заполнен старухами! Они сидели вдоль стен на скамьях и сундуках, они сидели посреди помещения на

перевёрнутых корзинах, они сидели просто на полу на самом проходе, и, похоже, не испытывали при этом никаких неудобств. И все они смотрели на меня! Смотрели немигающими глазами, и в каждом взгляде я читал одно и то же, до боли знакомое! В общем, так смотрят драконы, когда хотят тебя съесть.

– Будешь делать то, что тебе скажут! – лаконично рявкнула злодейка Анхеллинда. – А вы, не вздумайте жалеть этого раба!

Раба?! Я готов был провалиться сквозь землю. Раба! Так вот какое покровительство решил оказать мне любезный ярл! Правда, пораскинув мозгами, я вдруг понял, что здесь что-то не клеится. В моём представлении участием раба должен был быть тяжёлый труд, скудное питание, железный ошейник, бич надсмотрщика и прочие ужасы. Здесь всё было наоборот. Никто меня не приковывал, и собственно я мог в любой момент уйти, куда глаза глядят. (Может быть, я бы так и сделал, если б знал куда идти.) Работа до сих пор была не тяжёлой для тела, а скорее утомительной для души. Что же касается еды, то она оказалась не только сносной, но и весьма вкусной! На количество и режим питания тоже грех было жаловаться. Завтраки, обеды и ужины здесь подавались по расписанию, а между ними были частые перекусы. К тому же каждый встречный, (точнее каждая встречающая), почему-то хотели меня накормить.

Вот и сейчас, когда за милашкой Анхеллиндой закрылась

дверь, большинство старух, молча, уткнулись в свою работу, а одна потянула меня за рукав, и также молча, указала в угол, где лучина освещала импровизированный стол, сооружённый из старой бочки. На столе красовалось деревянное блюдо, на котором лежала варёная рыбина размером с Фига, не меньше. Рядом помещались полкаравая хлеба, луковица и неизменная кружка пива.

Я уже знал, что отказываться от угощения здесь нельзя, если не хочешь нажить себе неприятностей, и, несмотря на то, что был не голоден, уселся на низенькую скамеечку и принялся за еду. Пока ел, приглядывался к тем, чьи задания должен был выполнять до следующего распоряжения Анхеллинды. Оказалось, что они тоже меня разглядывают. Я, то и дело, ловил на себе косые взгляды, а несколько раз до меня доносились перешёптывания и смех!

И тут до меня дошло – старушенции скрывали своё любопытство за напускной суровостью, а сами вели себя точно так же, как их дочери и внучки! Что ж, это было мне только на руку. Закончив еду, я сердечно поблагодарил хозяек, (в драконьей среде мне за такое поведение давно бы уже откусили хвост), затем с хрустом потянулся и зевнул. Мой намёк был понят правильно и та же бабуля, которая меня накормила, также молча отвела меня в другой угол, где нашлась охапка соломы и старый плащ вместо одеяла. Я не заставил себя упрашивать, а просто завернулся в плащ и улёгся на солому, которая на самом деле мягче любого пуха, как извест-

но всем, кто испытывал длительное недосыпание! Отправляясь в страну грёз, я подумал, что жизнь раба это не такая уж плохая штука! Как я ошибался!..

Проснулся я от удара сапога в бок. Удар был не сильным, но тот, кто получал неожиданно по рёбрам, меня понимает. Продрав глаза, я увидел перед собой гору, в которой без труда узнал добрейшую Анхеллинду! Как мне тогда захотелось спрятать голову под крыло или хотя бы под плащ! Я ожидал бури негодования и крупной выволочки мне и старухам, но ничего не произошло. Она просто повернулась и куда-то ушла. Я перевёл дух, но оказалось, что рано обрадовался – вчерашних бабок будто подменили!

Не прошло и пары минут, а я уже бегал среди них и "выполнял поручения". В основном эти поручения заключались в том, что бы что-то поддержать или что-то принести, что-то убрать и где-то надавить, но это было ещё ничего! Хуже всего, что я, оказываясь, справлялся со своей работой из рук вон плохо! На меня шипели, ворчали, кричали, брюзжали, от чего моя голова пошла кругом, и я уже не соображал, что делаю!

Наконец, наступил вечер и кто-то, кого я не видел, командовал отбой! Вы думаете, меня отпустили? Ничего подобного! Старухи не сдвинулись с места, но пространство посреди дома вдруг очистилось, откуда ни возьмись, появилась уже знакомая мне бочка, на которой стояла лохань чего-то булькающего, в чём плавал варёный окорок. Рядом на

бочке помещался хлеб, ну, и, конечно же, кружка пива!

Меня снова усадили на низенькую скамеечку и коротко приказали: "Рассказывай!". Тут я понял, что бабки ждали моей повести весь день, ждали с нетерпением, и с моей стороны было бы некрасиво обмануть их надежды! Я отхлебнул из кружки, взял в одну руку хлеб, в другую окорок и повёл свою повесть о моей любви к прекрасной Ангелинде, украшая её всё большими подробностями.

Через час неторопливого, но страстного повествования, которое я вёл нараспев, словно был профессиональным скальдом, моя аудитория рыдала в голос, а одна из старушечек обняла меня за шею и едва не задушила от избытка чувств!

В душе я ликовал! Единственно, что омрачило мой триумф, как народного сказителя, это был громкий шёпот одной старухи, которая толи сама была глуховата, толи пыталась докричаться до тугоухой соседки:

– А ведь эта его возлюбленная, не наша ли Анхеллинда?

Но в совершеннейший шок меня поверг ответ на это малоприятное предположение:

– Ясное дело, она! Ведь Анхеллинда не родная сестра ярлу Ванхагену. Я помню, как её нашли совсем маленькую в роще на севере фьорда завёрнутую в обрывок китовой кожи! Значит, когда жестокие родители нашего Драгнара, (я забыл сказать, что меня так все там называли, а означало это что-то вроде "найденный драконом"), выкинули бедняжку из под-

водного чертога, она попала прямо к нам, и я вижу, что такова была воля Одина, что этот парень вынырнул как раз, перед драккаром могучего Вана!

– Погоди, погоди, – засомневалась её собеседница, – тут что-то не сходится! Во-первых, девушка была уже достаточно взрослой, когда с ней приключилась эта беда, а наша начальница была совсем крохой! Во-вторых, Анхеллинду нашли почти сорок зим назад, а история, которую рассказывает Драгнар, по его словам, произошла едва ли не вчера!

– Ну и что? – не унималась её соседка. – Там у них, богов, Младшие они или Старшие, не важно – всё по-другому! Что же удивляться тому, что время у них течёт не так, как у нас? А может, они просто пожалели бедняжку Анхеллинду и сотворили из большой – маленькую? Посуди сама, что бы сделали люди, если бы нашли под кустом голую девицу, которая не умеет ходить и говорить, а стрекочет по-дельфиньи?

– Ясное дело, зарубили бы на месте, а тело выбросили в море! Значит, ты думаешь, они специально обратили её в ребёнка, чтобы скрыть своё колдовство? А как быть с тем, что Драгнар всего-то ничего времени, как был изгнан из родительского дома, а наша начальница живёт тут уже столько лет?

– Ничего удивительного! – развивала свою идею бабка, которая, похоже, решила обставить меня в сочинительстве. – Откуда ты знаешь, сколько он поднимался со дна морского, чтобы появиться прямо перед носом драккара? Может все

сорок зим и поднимался, ведь в Драгнаре тоже течёт божественная кровь, а когда доходит до проделок Младших, то всегда жди от них всяких там неожиданностей и непонятностей!

– Нда! – задумчиво покачала головой первая. – И всё же я сомневаюсь!

– Хорошо! – почти выкрикнула ей в ухо вторая, и её глаза засветились, да и сама она засияла, как начищенное блюдо. – А теперь скажи-ка мне, как прозывают нашу Анхеллинду воины?

– Касатка!

– Вот именно! А касатка, тот же дельфин!

– Ой, а ведь, правда!

– Конечно, правда, не будь я Брунхильда – Корабельная грудь! Я как услышала всю эту историю, так сразу смекнула, в чём дело! И знаешь, что я тебе скажу?

– Что?

– А то, что наш долг помочь этим влюблённым соединиться!

Тут я попросту подавился похлёбкой, которую хотел было выпить через край и пропустил часть разговора мимо ушей, а когда откашлялся то услышал только один вопрос, но не разобрал кто из старух его задал:

– А всё-таки, почему он её совсем не узнаёт?

Ответа не последовало, потому что в это время дверь открылась и вошла Анхеллинда. Воцарилось такое глубокое

молчание, что я буквально услышал глухой удар, с которым моё сердце упало в пятки. Дева по прозвищу "Касатка", стояла и смотрела на меня своим тяжёлым взглядом, от которого съёжился бы взрослый дракон! И что ей опять было не так? Может быть, она надеялась увидеть мои обглоданные косточки, а вместо этого поняла, что я обзавёлся ещё одной толпой поклонниц? Правда доброжелательность этих поклонниц грозила мне порядочными жизненными осложнениями...

Анхеллинда смотрела на меня минуту или две, потом сделала жест, чтобы я следовал за ней, и скрылась за дверью. Мне ничего не оставалось, как встать с насиженного места, и наскоро пробормотав благодарность за сытный ужин, выйти в непроглядную тьму.

Интермеццо четвёртое

– подвиг и награда.

Впрочем, мои глаза быстро привыкли к освещённому звёздами пейзажу. Странно, но за дверью Анхеллинды не было! Куда же она подевалась? Я огляделся вокруг и даже окликнул её, но ответа не последовало.

Пожав плечами, я уже собрался вернуться в дом, из которого только что вышел, как вдруг... получил удар дубиной по хребту, от которого растянулся во весь рост в ближайшей луже! Если кому интересно, когда именно я стал гангстером, то можно сказать, что это случилось тогда, когда я поднимался из зловонной жижи, пополам со свиным дерьмом!

Если до этого во мне, вопреки драконьей природе, было какое-то количество доброты, то в тот момент она вылетела вместе с воздухом, начисто выбитым из лёгких! Короче говоря, в лужу упал едва состоявшийся скальд, а встал из неё самый настоящий дракон! Наверное, меня спасла темнота и высокий рост, так-как удар, нацеленный по затылку, пришёлся промеж лопаток. Та же темнота дала мне преимущество перед врагами, которые не знали, что я неплохо вижу предметы при свете звёзд.

Серые тени метнулись ко мне, поднимая дубины, чтобы добить опрокинутую жертву, но первый кто добежал, пой-

мал мой кулак своей физиономией и отлетел назад со сломанной шеей! Второй, не сообразив, что произошло с первым, со всего размаху опустил свою дубину на то место, где я был четверть секунды раньше и... умер в той же луже, из которой я вынырнул – просто я вернул ему предназначавшийся мне удар по затылку, но сделал это не дубиной, а рукой! Третий и четвёртый оказались посмышлёнее, но их погубила медлительность – когда они развернулись было, чтобы убежать, я догнал их одним прыжком и столкнул головами, так, что мозги брызнули из разбитых черепов в разные стороны!

Немного больше других повезло пятому и последнему из нападавших – он стоял дальше всех, когда я расправлялся с его товарищами, и теперь удирал во все лопатки! Догонять его у меня не было никакой охоты, поэтому я подхватил одну из дубин, оброненных разбойниками, и запустил ей убегающему вдогонку, как бросают битую для кеглей, (падре Микаэль показывал мне, как это делается). Попал я удачно – палка, предназначенная для сокрушения костей, перебила ночному татю обе ноги, и он рухнул, как подкошенный, оглашая ночную тишину громкими воплями!

От этих криков проснулся весь фьорд, захлопали двери, кругом замелькали факелы, послышались встревоженные людские голоса! Я направился было к поверженному врагу, но вдруг споткнулся обо что-то большое и мягкое, чего раньше не заметил, и это что-то ответило мне невнятным жалобным мычанием.

Наклонившись, я увидел, что это была Анхеллинда, связанная по рукам и ногам и с кляпом во рту! Так вот на кого охотились ночные грабители? Одним движением я разорвал её путы, вытащил кляп, а затем помог сесть и отдышаться. Вокруг нас уже собралась порядочная толпа с топорами и факелами, во главе которой вышагивал сам ярл Ванхаген. Растолкав своих грозных соплеменников, он оглядел поле битвы, нахмурил брови и задал вполне резонный вопрос:

– Что здесь происходит?

И тут несравненная Анхеллинда, голова, которой в это время покоилась на моём плече, открыла свои глаза, вмиг переставшие быть суровыми, и поведала всему собранию о моих подвигах! Ярл задумчиво поскрёб бороду и велел нам тотчас явиться в свой дом, где я был посажен за стол рядом с его особой, что само по себе было огромной честью! (Интересно, но при этом никого не смутило, что я по уши вымазан в жуткой грязи, мозгах и крови поверженных мной бандитов!)

Там я ещё раз рассказал, как было дело, а потом мои слова подтвердил покалеченный тать, которого приволокли и бросили перед нами на пол. Оказывается, что за любимой сестрой ярла уже давно следили разбойники, выдававшие себя за мелких торговцев. Цель их была проста – похитить Анхеллинду, которую ярл любил, как родную, (и, кстати, слегка побаивался), и потребовать за неё выкуп.

Их лодка нашлась утром спрятанная среди камней. Веро-

ятно, у этих подлецов всё получилось бы так, как они задумывали, но моё вмешательство расстроило их планы. Выяснив все обстоятельства, ярл, недолго думая, велел свернуть шею последнему из разбойников и выкинуть их трупы на корм рыбам. Потом он долго совещался с несколькими седобородыми сородичами и двумя старухами из того дома, в котором я провёл предыдущий день и вечер.

Недоброе предчувствие закралось мне в душу, особенно когда я заметил, как потеплели глаза пампушки Анхеллинды, когда она смотрела в мою сторону. Что ж, могу только сказать, что предчувствия меня не обманули!

Когда ярл вернулся к нам, его глаза были ещё более хитрыми, чем тогда на корабле.

– Похоже, ты совершил свой подвиг, человек, прозывающийся Драгнаром, сыном Вуглуфа! – изрёк он торжественно, так чтобы его услышали все присутствовавшие в чертоге вождя. – И за это тебе положена награда!

Моё сердце вновь упало, потому что я понял, что за "награда" меня ожидает!

– Ты доказал свою храбрость и силу в бою, и теперь можешь занять достойное место среди моих воинов!

Ярл сделал паузу, во время которой я вздохнул с облегчением, но тут же выяснилось, что радость моя оказалась преждевременной.

– Кроме того, ты спас от страшной участи прекрасную даму, и за это я отдаю тебе её в жёны! Отдаю свою названную

сестру, которую ценю превыше всех моих сокровищ! Ответь мне, доволен ли ты таким подарком? Не назовёшь ли ты меня скупым? Скажи своё слово сын Вуглуфа в жилах которого течёт божественная кровь!

Я поднялся из-за стола на дрожащих коленях, лихорадочно соображая, как мне быть в этой непростой ситуации. Отказаться? Проще было сейчас же кинуться на викингов и перебить их, либо погибнуть в неравном бою. Принять предложение? Нет! Будь Анхеллинда красавица из красавиц, я всё равно не смог бы этого сделать! Ярл обложил меня со всех сторон, как опытный охотник медведя. Ничего не забыл – и любимую сестру, и свою "щедрость", и мою "божественную" кровь! Вот тогда я почти физически почувствовал, как мой язык раздваивается, а за спиной, как будто бы снова развернулись крылья!

– О, могучий Ванхаген, владетельный ярл! – начал я неторопливо, взвешивая каждое слово. – Честь, оказанная мне тобой намного превыше моих скромных заслуг, а тот, кто усомнится в твоей щедрости, несомненно, понесёт быструю и заслуженную кару! Я рад, что сумел оказать услугу девице Анхеллинде, и этим угодил тебе и снискал право занять место среди твоих воинов! То, что ты мне предлагаешь, взять твою сестру в жёны, превосходит все мои ожидания, и я с благодарностью принимаю эту щедрую награду!..

.....

В этот момент Драся прервал свой рассказ, потому что пе-

ред его носом стриганули по воздуху и глубоко вспахали землю пять перламутровых когтей. В тот же момент раздалось грозное шипение, и воздух сразу же стал горячим! Обернувшись, Драгис прямо взглянул в серые глаза своей любимой и спокойно улыбнулся ей. Конус белого огня нехотя спрятался между острых клыков, но глаза Анджелики всё ещё глядели недоверчиво и грозно.

.....

– Так вот! – как ни в чём не бывало, продолжил он своё повествование. – Когда я сказал это миляге ярлу, тот расплылся в блаженной улыбке словно кот, получивший давно вожделенную мышь. Ещё бы! Одним ударом этот хитрован убивал двух зайцев – решал проблему со мной, (нельзя же вечно держать в рабах полубога!), и умирал свою не в меру властную сестру.

Присутствующие при этом викинги из тех, что постарше, одобрительно загудели и закивали головами. Короче, мой ответ понравился всем, кроме меня самого, и я решил внести некоторые коррективы.

– Но мудрый ярл! – вдруг воскликнул я, как будто что-то вспомнив. – Как же мне быть с тем, что я дал клятву верности прекрасной Ангелинде, когда она была ещё дельфиньей, а потом повторил эту клятву перед своими родителями! Ты ведь помнишь, что мой отец из бессмертных богов, пусть и младших, а клятва, произнесённая в присутствии божества, не может быть нарушена! Я хочу взять в жёны твою сестру,

ярд, но не могу этого сделать! Прости...

Довольная улыбка Ванхагена стала ещё шире! Он держал в руках полный набор козырей, (по крайней мере, ему так казалось), а значит выигрыш был за ним.

– На это я скажу тебе вот, что, мой будущий шурин! – заявил этот медведеподобный лис. – Ты не нарушишь своей клятвы, взяв в жёны нашу Анхеллинду, ибо она и есть твоя потерянная возлюбленная!

– Как это может быть?! – вскричал я в притворном удивлении, заранее зная, какой рассказ сейчас услышу.

– Пусть об этом тебе и всем нам поведают две уже знакомые тебе почтенные женщины, которые своей мудростью не уступают сивиллам!

Далее произошло следующее действие – обе старые карги, разговор которых я подслушал накануне, вышли на середину помещения, уселись на пол и, взяв друг-друга за руки, принялись раскачиваться и нараспев рассказывать о необыкновенном чуде свершившимся во времена их молодости, а именно о появлении маленькой Анхеллинды в роще на севере фьорда.

Надо отдать им должное, повествование выходило складным, и, учитывая мой собственный рассказ, вполне логичным. Было объяснено всё! И совпадение в имени, и разница в возрасте, (от которой девица, оказывается, только выигрывала!), и то, что я всплыл именно под носом драккара, принадлежавшего хозяину фьорда, (воля богов, конечно же!), и

прозвище самой Анхеллинды – "Касатка", (вероятно, данное ей, когда-то ввиду её внушительных габаритов, но сейчас приобретшее совершенно иной смысл). В ход пошёл даже обрывок китовой кожи, в который она была завернута!

Я слушал и удивлялся, неужели они сами поверили во всю эту чушь? Вероятно да, поскольку все присутствующие согласно кивали головами в такт, не на шутку разошедшимся, рассказчицам! Я поймал себя на том, что и сам киваю головой вместе со всеми! Это был просто массовый гипноз, какой-то! Из этого состояния меня вывел голос ярла.

– Ну как, Драгнар? – спросил он веско, и даже с заметным нажимом. – Ты ещё сомневаешься в том, что здесь перед тобой стоит твоя возлюбленная, которую ты поклялся найти и взять в жёны?

– Нет, мой ярл! – воскликнул я, как можно радостнее. – Таких сомнений больше нет в моей душе! Я вижу, что на то была воля Асов, и теперь я обрёл свою ненаглядную Ангелинду или Анхеллинду, как её здесь называют! Но...

– Что ещё за "но"? – проревел ярл, грозно сдвинув брови. Было видно, что он быстро теряет терпение.

– Я хочу сказать, что и ты, ярл Ванхаген, и я, Драгнар сын Вуглуфа, пастуха китовых стад, мы оба забыли об условии, которое поставил мой отец, выпроводив меня из родительского дома! А именно, я должен совершить подвиг равного которому не было ещё на земле!

Ярл задумался. Действительно, положение было таким,

что из него мог быть только один выход – сделать какой-либо несусветный подвиг.

– Не знаю, не знаю, – попробовал, было, он спасти положение. – По мне, так то, что ты совершил сегодня, это уже вполне порядочный подвиг! Эти разбойники настоящие мастера спрятаться в темноте, нанести смертельный удар, так, что жертва и не вскрикнет. Или связать её быстро и надёжно, что они и сделали с моей сестрой. А ты не только выжил в сражении, хоть и получил по хребту, но и ухлопал всех пятерых, ну, чем это тебе не подвиг?

Однако его слова, на сей раз, не нашли поддержки в обществе. Викинги морщились и корчили презрительные гримасы.

– Послушай, Ванхаген! – вдруг заговорил седой воин с бородой не меньше чем у самого ярла. – Ну, какой же это подвиг? О чём это ты говоришь? Конечно, парень отделал этих уродов по-нашему, грамотно и мощно, но на подвиг это совсем не тянет! Такое любой из молодых протяпает без особого труда, а уж мы с тобой, и не такие штуки проделывали! Так что парень прав, подвиг ему сделать ещё предстоит, а сегодняшний случай пусть зачтётся, как хорошая служба!

Если бы взглядом можно было убить, то старый викинг уже лежал бы прожжённый насквозь! Ярл не напоминал больше довольного кота, сейчас он выглядел, как кабан – одинец зажатый охотниками в угол. Я подумал, что теперь уж точно не миновать драки, и мысленно прикидывал, чем

лучше будет отбиваться – скамьёй на которой я сидел или кочергой, прислонённой к стене неподалёку. Я уже остановил, было, свой выбор на кочерге, но тут вновь заговорил ярл, который ухитрился справиться с собой и принять более или менее благодушный вид.

– Так, что же ты хочешь? – спросил он, сверля меня взглядом.

– Возьми меня с собой в Вик! – выпалил я, и сам удивился произведённому впечатлению.

Повисла напряжённая тишина, в которой было слышно, как в очаге шипят и щёлкают сырые поленья.

– Будь, по-твоему! – изрёк ярл, устало опустив глаза. – Ты получишь место на скамье моего корабля и прикоснёшься к веслу, но ты должен сейчас же поклясться, что ни в каком походе не забудешь своей невесты!

Надо ли говорить, что такую клятву я тут же охотно дал, хоть мне и было порядочно совестно перед бедняжкой Анхеллиндой.

То, что следующей весной ярл Ванхаген собирается в Вик, я слышал уже давно. Викинги говорили об этом, как об обычном деле. О том же, мечтательно закатив глаза, перешёптывались местные мальчишки, а женщины обсуждали эту тему со смешанным чувством гордости, надежды и страха. Понятное дело, ведь тот, кто вернётся из Вика, привезёт с собой славу и богатую добычу, а вот тот, кто не вернётся...

Но сейчас был ещё конец осени, и до назначенного похо-

да времени оставалось целая куча. Думаете, как его проводили грозные викинги? В пирах и разгуле? Как бы ни так! Став одним из них, я почувствовал, что такое на самом деле жить во фьорде и быть там полноправным членом общества. Прежде всего, это выразилось в том, что вдруг для меня нашлось полным-полно работы, которой я теперь был достоин!

Вместе со всеми я заготавливал дрова и смолил корабли, вытащенные на берег, (их, кстати, было у ярла целых пять, два больших и три поменьше), вместе со всеми чинил снасти, махал молотом в кузнице и охотился. Теперь моё самолюбие не страдало, но тело к вечеру ломило от усталости. Кстати, статус жениха сестры ярла не дал мне никаких преимуществ. Я получил приличную одежду, не новое, но крепкое и надёжное оружие и свою лавку в доме для тех, кто не завёл ещё семью.

Ко мне относились не то, что бы плохо, а просто, как к новичку, да ещё и чужаку при этом. Наверное, поэтому я не завёл там друзей, а в свободное время бродил по окрестностям в полном одиночестве. Было уже начало января, (по моим расчётам), когда этого свободного времени стало несколько больше. Мороз был адский, да ещё и с ветром, сдувающим со скал фьорда снег, и грозившим забрать в море любого кто зазевался на берегу. Хозяйственных работ стало меньше, все возможные запасы были сделаны, все, что требовало починки, починено, и кроме повседневной работы по дому, которую делали женщины, занятий совсем не осталось.

Викинги развлекались кто как. Иные храпели себе на лавках, прерывая это занятие только для приёма пищи и отправления естественных потребностей, другие коротали время за резьбой по дереву, и, надо сказать, у них здорово получалось! Я даже попытался обучиться этому искусству, но такое занятие мне быстро наскучило.

Интереснее всего было сидеть бесконечными вечерами и слушать саги о похождениях богов и героев. Я и раньше любил читать такие истории в людских книгах, но тут впечатление было совершенно иным. Сидя в полутёмном доме среди замерших от восторга слушателей, я будто переносился в Вальхаллу и видел Асов во главе с Одином или путешествовал с Тором по миру людей в колеснице запряжённой двумя козлами, или придумывал, какую-нибудь весёлую злую проделку вместе с Локи... Всё испортила сага о Сигурде!

Интермеццо пятое – вагры.

Суть дела была мне знакома, ведь убитый им дракон приходился нашей семье несколько сродни, а само происшествие, по драконьим меркам случилось относительно недавно. Но, одно дело, как эту историю рассказывали дома, и как её же воспринимали здесь. Я привык, что среди драконов клеймили позором воина нанёсшего предательский удар из ямы, выкопанной на пути дракона, а тут все восхищались смекалкой и доблестью великого героя, славного Сигурда! Впрочем я не выдержал и ушёл.

Вечер только начинался, солнце ещё не село, и я решил побродить по высокому берегу, полюбоваться на студёное море, которое похоже не собиралось замерзать. Драконы существа теплолюбивые, но я так привык к холоду, что совершенно не замечал ледяного ветра, просто ходил и думал о своём, глядя на вздымающиеся серо-зелёные волны.

А ведь мне было о чём подумать. Что стало с моей Анджеликой? Увидимся ли мы ещё в этой жизни? Где она сейчас? Где я сам? Что это, мир земной или очередная трещина? Как случилось, что я попал сюда из сожжённого мною самим, (как я полагаю), измерения? Где граница между тем миром и этим, которую я пересёк пока был без сознания? Нельзя ли, вернувшись к этой границе, попасть в другие миры? Из задумчивости меня вывел негромкий женский голос,

который спросил:

– Что, всё скучаешь по своей любезной?

Я резко оглянулся и увидел перед собой Анхеллинду, стоявшую в двух шагах. Наверно, ветер, свистящий в ушах не позволил мне услышать, как она подошла. Пышнотелая дева смотрела на меня, по своему обыкновению, прямо, но не сурово, и без насмешки. От неожиданности я не нашёл, что ей сказать, а она, нисколько не смутившись моим молчанием, продолжала:

– Ты славный скальд, мой спаситель, прозывающийся Драгнармом, но в твою сказку о горячем желании на мне жениться, не поверили ни я сама, ни мой названный брат, ярл Ванхаген!

Она немного помолчала, не отводя взгляда, и заговорила снова:

– Не знаю, как там насчёт юной самки дельфина, но огонь любви в твоих глазах есть, это я вижу! А знаешь, почему Ванхаген до сих пор не приказал снести тебе голову? Он ведь не терпит, когда ему перечат, а ты не подчинился его воле и спорил с ним?

Я помотал головой. То, что ярл раздумывал – не убить ли меня, было совершеннейшей новостью, ведь с того случая, как я угрохал пятерых разбойников, он был со мной приветлив и даже покровительственно ласков.

– Я вижу, ты удивлён, и сама удивляюсь, как такой здоровенный детина может быть наивен, словно подросток? Так

вот, он спрашивал о тебе сивилл, и они подтвердили ему, что ты не из нашего мира, и даже не принадлежишь к человеческому роду! Это так?

На последний вопрос я кивнул утвердительно, и на долю секунды увидел искру удивления, (и даже страха), в пронизательных глазах Анхеллинды.

– А ещё, они сказали, что вся история рассказанная тобой – ложь.

Я опять кивнул.

– У нас лжецов не любят, если только они не относятся к богам. Ты – бог?

– Нет! – прохрипел я в ответ, почему то не в силах соврать этой женщине.

– Силён, как десять воинов, хитёр, как матёрый заяц, и при этом наивен, как дитя! Не бог и не человек, а кто же? Впрочем, если не хочешь, то не отвечай. Знай только, что я не желаю твоей любви, будь ты трижды бог!

– Я настолько тебе отвратителен? – спросил я, обретая голос от любопытства.

– Нет, но ты меня не любишь, да и не можешь любить... Я любила и была любима... Мой суженный не вернулся из Вика, когда Ванхаген только стал ярлом, а было это больше двадцати зим назад, и с тех пор я ненавижу своего названного брата! И он отвечает мне взаимностью...

Вдруг, какое-то озарение нашло на меня, а может на миг вернулась способность читать чужие мысли.

– Слушай, – воскликнул я, не подумав, что это может мне повредить, – а те молодцы, которых я тогда – того?.."

– Наняты моим братом! – был ответ, сопровождаемый кивком головы. – Ему надоело делить со мной власть во фьорде, пусть я и не лезу в его дела, и он решил со мной разделаться. Так что ты спас меня не только от плена, а кое от чего похуже! И знаешь, я не хочу быть неблагодарной!

Наверное, у меня был такой удивлённый вид, что Анхеллинда даже улыбнулась, в первый раз за всё время нашего знакомства.

– Хочешь, я покажу тебе тайную тропу между скал, которая ведёт вон из фьорда? – спросила она, понизив голос, как будто нас здесь могли подслушать.

Я и сам подумывал удрать отсюда сухопутным путём, но после нескольких экспедиций на север за роццу, где по преданию нашли Анхеллинду, понял что скалы, запирающие этот вход во фьорд, совершенно неприступны. Так значит, там есть тропа? Славная новость! Удрать из этой ловушки, где я по сей день был чужим, да ещё и стал пешкой в домашних интригах местного вождя! Это был выход, который нравился мне гораздо больше, чем отсрочка от навязанной свадьбы! Да ещё при условии участия в грабительском походе, на какое-нибудь селение или город не сделавший мне ничего плохого!

Я уже открыл, было, рот, чтобы высказать Анхеллинде свою благодарность, но тут заметил, что она смотрит не на

меня, а куда-то за моё плечо, и взгляд её отражает крайнюю тревогу. Я оглянулся и поначалу ничего не увидел. Студёный океан, по-прежнему, вздымал свои быстро темнеющие в наступивших сумерках волны.

И тут мой взгляд упал на вход во фьорд, где по обеим сторонам стояли скалы, напоминавшие рукотворные башни. Они так и назывались – сторожевыми. Там на самом деле были сооружены площадки с навесами, на которых посменно дежурили воины. Ярл Ванхаген опасался набега соседей, и у него на то были основания. В тёмное время суток на этих скалах обязательно зажигали огонь, служивший и морским, и сухопутным ориентиром. Зимой он горел и днём, заодно согревая стражу, в конце концов, это было просто красиво! (Забегая вперёд, скажу, что после, когда уже всё кончилось, мы проверили оба этих поста. Все воины были на месте, они сидели вокруг потухших костров в непринуждённых позах, как будто вели беседу, а их головы при этом лежали неподалёку, сложенные аккуратной пирамидой.)

Сейчас я не понимал, почему не было видно огня на скалах. Я хотел сказать об этом Анхеллинде, но она только нетерпеливо махнула рукой и указала мне, куда-то вниз под скалы. Там, где был вход во фьорд, как это водится, весь усеянный подводными рифами, так что без опытного лоцмана проникнуть внутрь было делом немислимым, там сейчас можно было ходить пешком, потому что вода внутри скалистого залива покрылась толстым ледяным панцирем. Кромка

льда даже выдавалась в море, словно не длинный, но широкий дразнящий язык. Волны периодически обламывали этот нахальный язык и уносили его с собой, но он непременно отрастал снова.

Приглядевшись, я заметил возле этого ледяного выроста, какие-то чёрные полосы, уткнувшиеся одним концом в лёд, словно иголки на еловой ветке. Через секунду я понял, что это лодки, только очень странные лодки, длинные и узкие. Непонятно было, как на таких можно было ходить по морю, где частенько через палубу, даже очень крупного корабля, так и норовили сигануть пенногривые морские кони? Но размышлять над этим вопросом мне было некогда, так-как мы с Анхеллиндой увидели, что от чёрных лодок вглубь фьорда, что-то движется!

Солнце уже скрылось за горизонтом, и в быстро наползающей тьме трудно было увидеть подробности, но я уже понял, что это люди, одетые во что-то белое, сливающееся со снегом. Эти люди шли, молча, ступали бесшумно, по охотничьей привычке – след в след, и было ясно, что пришли они сюда не с добром! Я обернулся, чтобы поделиться своими соображениями с Анхеллиндой, и увидел её совершенно белое лицо с круглыми глазами, наполненными неподдельным ужасом.

– Вагры! – прошептала она так тихо, что я скорее прочёл по губам, а не услышал это слово, которое мне было совершенно незнакомо.

В тот же миг властная и чинная дева сорвалась с места, как тренированный бегун и понеслась к дому ярла с такой скоростью, что я сразу отстал от неё на десяток шагов! Лихорадочно соображая на бегу, я оценил ситуацию следующим образом – фьорд подвергся нападению неведомого мне, но, по-видимому, грозного противника, который крайне опасен даже для таких бесстрашных вояк, как викинги. Пусть у меня с местными, (особенно с их главарём), и были кое-какие разногласия, но я обязан был им своим спасением, пользовался их гостеприимством и даже назывался теперь одним из них, хоть в этом деле и было больше лукавства, чем истины. Всё это значило, что я должен был встать плечом к плечу с местными воинами на защиту их домов...

Эти размышления были прерваны следующими событиями – бежавшая впереди меня Анхеллинда вдруг споткнулась, как подкошенная и со всего маху грохнулась на тропу, по которой бежала! Я бросился было к ней и тут сугроб, мирно возвышавшийся сбоку, зашевелился, вздыбился, развернулся, словно ёж, и я увидел, как сверкнули три огонька, в каждом из которых таилась приготовленная для меня смерть! Это были два человеческих глаза и широкий стальной наконечник стрелы, наложенный на тетиву!

Драконьи инстинкты проснулись во мне в тот же миг, да и уроки падре Микаэля не прошли даром! Я метнулся в сторону, и пропевшая над ухом стрела сказала мне, что противник промахнулся! Почти всё оружие, которое подарил мне ярл,

висело сейчас на столбе возле скамьи в доме, где я спал, но у меня в сапоге был широкий прямой нож, который вполне мог послужить коротким мечом!

Удивление врага, не ожидавшего от меня такой прыти, со-служило мне хорошую службу! Одним прыжком покрыв разделявшее нас расстояние, я выхватил из-за голенища нож, и со всей силы всадил его прямо между горящих ненавистью глаз, так что он сразу вошёл по рукоятку!

Отбросив тяжёлое тело противника, который так и не издал ни звука, я вернулся к лежавшей ничком Анхеллинде. Подойдя вплотную, я увидел, как из под её тела растекается кровавая лужа, а перевернув её на спину, обнаружил оперенье короткой стрелы, торчащее из груди прямо напротив сердца. Она была ещё жива, и глаза её были открыты, а губы шевелились, хоть на них и появилась уже кровавая пена.

Сообразив, что она пытается мне что-то сказать, я немного приподнял её, положил тяжёлую голову в светлых косах себе на плечо и, приблизив ухо к самым губам, разобрал следующее:

– Найди раздвоенную берёзу на краю рощи, там, где начинаются скалы... встань с южной стороны... опустишь на одно колено и посмотри через развилку... увидишь проход... принеси жертву Одину на белом камне... Предупреди!..

Тут её голова упала на бок, а изо рта хлынул поток крови. Я понял, что она больше не дышит, аккуратно опустил, вмиг отяжелевшее тело, на землю, закрыл ей глаза, и, стара-

ясь больше о ней не думать, пошёл за своим ножом, торчавшим из головы поверженного «вагра». (Не подумайте, что я такой бесчувственный, мне было жаль эту женщину, которую я только что узнал с её лучшей стороны, но время поджимало, и я должен был прямо сейчас позаботиться о себе и о других.)

Здесь меня ждал сюрприз – нож вытащить не удалось. Проще было целиком оторвать покойнику голову, но в таком виде мне нож был совершенно не нужен. Быстро обыскав труп, я обнаружил на нём странный маленький, но очень тугой лук и набор коротких стрел с разнообразными накопечниками в наглухо закрывающемся футляре. Обращаться с таким оружием я толком не умел, поэтому более полезной находкой был странный, короткий обоюдоострый меч, превосходной стали с клинком широким у основания, а к концу заостряющимся до тонкости иглы. Таким можно порвать любую кольчугу!

Рассовав, кое-как, трофеи, я побежал к дому ярла, поминутно оглядываясь по сторонам, чтобы не получить из сугроба ещё одну предательскую стрелу. Я уже понял, что убитый мной вагр, был разведчиком, посланным впереди основной группы нападавших. В его задачи входило устранить всех, кто мог поднять тревогу.

То, что мне удалось прибить такого бойца, само по себе было удачей, но это не значило, что он был здесь такой один, хотя вокруг пока всё было тихо. Оставалось совсем мало вре-

мени. Вагры могли появиться с минуты на минуту, но для того, чтобы ударить организованно, им надо было не только подняться к селению викингов по весьма крутой тропинке, но и успеть построиться боевым порядком.

Это означало, что у меня в запасе есть, как минимум, одна или две сотни ударов сердца. На всякий случай я принялся пускать стрелы в каждый подозрительный сугроб на своём пути и не ошибся – четвёртый снеговой холм, в который я выстрелил почти в упор, вдруг дёрнулся, коротко взрыкнул и затих, испустив красную струйку вдоль древка стрелы. Но вот, наконец, дверь большого дома, где проживал ярл вместе со своими приближёнными! Не останавливаясь, я ворвался в эту дверь, так что она грохнула о стену и, сам не понимая почему, хрипло крикнул:

– Анхеллинда убита!

Ответом мне было всеобщее молчание, и чуть меньше сотни недоверчивых взглядов на хмурых лицах. Причём самой недоверчивой и хмурой была физиономия ярла. Сообщив, что мне не верят, и, поняв, что надо сказать нечто такое, что произвело бы должное впечатление, я произнёс только одно единственное слово:

– Вагры!

Что тут началось! Все повскакали с мест, принялись хватать оружие, развешанное на столбах! Ярл прожёл меня взглядом, но тут же отвернулся и принялся давать распоряжения. Надо отдать им должное – паники не было, но к изве-

стию, принесённому мной отнеслись по деловому: без недоверия, с пониманием и со всей серьёзностью воинов осознающих, что драка предстоит нешуточная. Прошло не больше двадцати ударов сердца, и во дворе выстроилась двойная шеренга вооружённых викингов, прикрывшихся щитами, а сзади от домов, где проживала молодёжь и отдельные семьи, уже бежали новые бойцы по одному, по двое, по трое и строились, строились...

Поздновато сообразив, что я в этом построении почти безоружен и не знаю своего места, я хотел было рвануть к дому, где лежало моё снаряжение, но было поздно, потому что в тот же миг появились *они*!

Несмотря на то, что расчёт на внезапное нападение не оправдался, вагры не отступили, а продолжили атаку. Они появились, словно белые чудища порождённые мраком – человеческие фигуры громадного роста, одетые в меховую одежду белого цвета, с медвежьими головами вместо шлемов, с лицами набелёнными мелом, где только глаза были обведены синими кругами. Они напали безмолвно, передвигаясь небольшими группами, по пять человек, прикрывшись затянутыми белым мехом щитами и выставив перед собой короткие копья с широкими наконечниками.

Кто-то рядом со мной вскрикнул и, оглянувшись, я увидел, как один из викингов оседает в снег, схватившись за древко стрелы, торчащее из глаза. Недолго думая, я занял его место, подхватив оброненный щит и топор. Рядом недоволь-

но фыркнули, но устраивать разборки было некогда – в плотную шеренгу викингов ударили несколько вражеских отрядов. Ударили и откатились, оставив в наших рядах дюжину убитых и раненых. А вот потерь среди белых мохнатых воинов я что-то не видел. Передышку нам никто давать не собирался, зато нас густо засыпали, уже знакомыми мне стрелами, после чего подвижные отряды вагров ударили снова!

На этот раз у них вышло не так удачно – мечи и топоры викингов взяли добычу из рядов "медведей", но короткие копья снова дотянулись до нескольких наших! И тогда ярл Ванхаген проревел наступление! Проревел и сам бросился впереди войска! В тот миг я зауважал этого человека, не любить которого у меня было достаточно причин!

Ванхаген напал на ближайшую пятёрку врагов, забросив щит за спину и сжимая в руках здоровенную секиру с полулунным лезвием. Два удара наотмашь развалили это сплочённое построение, секира свистела в руках ярла, рассекая крепкие щиты вместе с руками их державшими. Менее чем за десяток ударов сердца трое воинов из вражеской пятёрки были убиты, а двое оставшихся поспешили присоединиться к другим группам.

То, что проделал Ванхаген, мне так понравилось, что я, недолго думая, рванулся к такой же пятёрке вагров и принялся молотить их своим топором. Возможно, мои удары были не так умелы, как те, что наносил опытный в сражениях ярл, а может быть свою роль сыграло то обстоятельство, что

доставшийся мне топор был меньше и легче секиры ярла, но уже на третьем или четвёртом ударе он завяз в чьём то медвежьем шлеме и я остался без оружия. Не долго думая, я схватил свой щит поперёк и обрушил его на голову ближайшего вагра! Голова бедняги совершенно исчезла в мохнатых плечах, но и щит развалился от такого удара на две половинки. Тогда я схватил самого вагра за ноги и начал размахивать им как дубинкой.

Вокруг меня слышались крики: "Берсеркер! Берсеркер!", но мне было не до них, и я продолжал охаживать попятившихся вагров, пока тело не вырвали у меня из рук, оставив только меховые сапоги. Я швырнул этими сапогами в рожу ближайшего противника и отступил к своим, которые теперь смотрели на меня с опаской. Там я столкнулся с ярлом, рыкнувшим что-то в мою сторону, но так и не понял, что это было, одобрение или порицание. Кто-то сунул мне в руки окованную железом дубину, и я понял, это – то, что надо!

А бой, между тем, закипел вокруг с новой силой. Как не старались викинги держать строй, им пришлось-таки разбиться на группы, чтобы дать размах для мечей и топоров. То тут, то там закипали отдельные схватки, один на один, двое надвое, а кое-где один против троих, вдвоём против пятерых и всё в таком же духе.

Ну, я вам скажу и достался нам противник! Клинки в руках вагров мелькали с невероятной быстротой, а ещё они ухитрялись с ловкостью фокусника менять оружие во время

схватки, ничуть не снижая темпа боя! Так виртуозно не фехтовал даже падре Микаэль, что уж говорить обо мне, ведь я, считайте, только начал обучение.

Наверное, поэтому вскоре вся моя меховая куртка была в дырках, шапка снятая, чьей-то стрелой, оказалась припиленной к стене дома, а дубину я сломал, попав вместо головы очередного вагра по колоде для рубки мяса, оставленной во дворе. Впрочем, вагра я всё-таки убил, запустив в него этой самой колодой, а по дороге она переломала кости ещё двум или трём "белым медведям".

Но вдруг всё кончилось! По-видимому, сообразив, что им нас не одолеть, странные молчаливые воины, вдруг исчезли с такой быстротой и ловкостью, что мне захотелось протереть глаза. Потом оказалось, что их основные силы уже отошли к лодкам, а два десятка бойцов продолжали создавать видимость битвы, чтобы дать уйти остальным. Эти оставшиеся жертвовали собой, бросаясь в драку с удвоенной яростью и забирая последние жизни, чтобы не скучно было в стране теней! Но вот и они закончились. Викинги опустили оружие и недоумённо оглянулись по сторонам. В свете принесённых факелов, вдруг стало ясно, что мы получили победу дорогой ценой – отдав по трое своих воинов за жизнь одного вагра. А ещё нам не досталось ни одного пленного, все вагры были убиты, раненых среди них, почему то не оказалось.

Разглядывая вражеские трупы, я почувствовал взгляд, направленный в спину. Обернувшись, встретился глазами с яр-

лом, который глядел на меня, как то по новому, без обычного хитрого прищура, но и без враждебности. Почему то, я не выдержал этот взгляд и отвернулся, а чтобы отвлечься хоть на что-нибудь, спросил у проходящего мимо викинга:

– А вагры, они вообще, кто?

Викинг поглядел на меня, как на идиота, но сообразив, кто перед ним, ответил:

– Славянское племя! (При этом он смачно сплюнул.) Живут на юге за морем, там, где нет фьордов, а берег весь зарос лесом. Свирепы и кровожадны, как невыспавшиеся медведи. И так же, как медведи сильны, но не медлительны, а быстры, словно отогревшиеся змеи! Да ты ведь сам всё видел!

– Они что же, совсем дикие? – спросил я и снова удостоился взгляда, поставившего под сомнение мои умственные способности.

Вместо ответа викинг наклонился и одним движением разорвал белую шубу на груди мёртвого вагра. Под шубой оказался блестящий переливающийся панцирь, собранный из небольших стальных чешуек, опалированных до зеркального блеска, тщательно пригнанных друг к другу. Затем он вытащил из ножен, висящих на поясе убитого короткий клиновидный меч, такой же, как тот, что мне достался в схватке с разведчиком, и, оторвав от одежды мертвеца лоскут кожи с мехом, лёгким движением разрубил его на две половинки. Впечатление было такое, что клинок вообще не встретил сопротивления!

– Дикае людн таких вещей не делают! – сказал он, передавая мне меч. – Ты можешь согнуть это оружие пополам, и оно распрямится без изъяна, словно китовый ус! Только не порежься, они частенько смазывают ядом свои клинки, а свойства этого яда таковы, что умереть можно от небольшой царапины!

Я тут же ощупал те места, куда сегодня попало вражеское оружие, и обнаружил несколько царапин, от которых нижняя рубашка была уже вся в крови. Увидев, чем я занят, викинг посоветовал мне прижечь раны калёным железом, и я немедленно отправился выполнять этот совет. Правда до железа дело не дошло, а просто завернув за угол, я плюнул несколько раз в ладонь огнём и втёр его везде, где это было нужно.

Интермеццо шестое – тропа Одина.

А наутро была тризна. На берегу пылали огромные костры, над которыми возвышались лодки, нагруженные всяким добром. В лодках лежали павшие викинги. Лежали в полном вооружении, осыпанные золотом, укрытые дорогими тканями. Вместе с некоторыми на костры взошли их жёны, предварительно заколотые и тоже одетые, как на праздник.

Честно говоря, я не выдержал этого зрелища, потихоньку собрал свои вещи, прихватил из ларя целый каравай, копчёный окорок, мешочек с солью, а из кладовки слямзил небольшой бочонок пива и отправился в сторону рощи. Все были так заняты, что ускользнуть незамеченным не составило труда.

Я шёл и всё повторял про себя последние слова Анхеллинды: "Найди раздвоенную берёзу на краю рощи, там, где начинаются скалы... встань с южной стороны... опустишь на одно колено и посмотри через развилку... увидишь проход... принеси жертву Одину на белом камне..."

В роще я бывал и раньше, поэтому найти туда дорогу было совсем не трудно. А вот отыскать нужную мне берёзу, оказалось задачей не из лёгких. Как назло раздвоенных берёз там было полно, однако на северной опушке у границы скал, почему то ни одной не было! Неужели Анхеллинда ошиблась? Или эту берёзу давно пустили на дрова? Нет, роща считается

священной и деревья здесь не рубят. Тогда, она могла упасть сама от старости или под напором ветра. Но на земле тоже не нашлось нужной мне берёзы. А может, я и без берёзы увижу проход в скалах?

С этой мыслью я прошёл туда-сюда несколько раз, (роща была небольшая), но никакого прохода в помине не было. Скалы стояли, плотно прижавшись, друг к другу, словно воины в строю, образуя неприступную отвесную стену, усеянную острыми выступами. Наконец, я устал и, ругнувшись с досады, присел на здоровенный валун, чтобы обдумать своё положение.

Мысль о том, что Анхеллинда меня обманула, я отбросил сразу. Не могла она лгать со стрелой под сердцем, даже если бы захотела! Тогда, что? Ошиблась? Не может быть. Недоговорила приметы до конца? А вот это возможно, ведь времени у неё тогда было мало. А может это я, что-то не дослушал или недопонял? Размышляя подобным образом, я просидел там порядочно времени, пока не захотел есть. Уже развязав свой мешок, я вдруг вспомнил одну фразу из последних слов Анхеллинды, которой не придавал раньше значения: "...принеси жертву Одину на белом камне..."

Скажем так – я дракон цивилизованный, и во всякие там жертвоприношения не верю. К тому же, став человеком, я принял крещение, а значит, не должен поклоняться никаким другим богам, кроме единого Бога-создателя и Спасителя – его сына. Однако поразмыслив так и этак, я подумал,

что Один в этих местах хозяин, и до сих пор я с ним не ссорился, даже наоборот, весьма успешно дрался плечом к плечу с его детьми, отстаивая их дома и семьи. Поэтому не будет большим грехом угостить его чем-нибудь вкусненьким, вроде того, что собрался съесть я сам.

Правда я слышал, что он любит кровавые жертвы, в том числе и человеческие, но это было не по мне, да и не имел я на тот момент подходящей добычи. Вот только где взять этот самый белый камень? Вокруг были только серые скалы, к тому же их обломки с острыми краями, валяющиеся тут и там, никак не подходили для алтаря.

Вдруг я понял, где его нужно искать – ведь я на нём сижу! Я тут же вскочил и рассмотрел его. Камень действительно был белым, с плоским верхом и мог сойти за небольшой стол. Что ж, по крайней мере, хоть что-то из примет указанных Анхеллиндой нашлось. Недолго думая, я отломил порядочный ломоть хлеба, посолил его и положил на белый камень сверху. Туда же поместил приличный кусок мяса, который отхватил трофейным мечом. (Меч я ещё дома помыл в укусе, пиве и воде, а потом тщательно вытер ветошью, так что яда на нём не должно было остаться.) Тут возникла проблема – куда налить пиво, ведь собираясь, я не догадался прихватить с собой ни кружку, ни турий рог из которого обычно пили викинги. Тогда я просто обильно полил камень пивом, полагая, что это ведь жертва, а не сервировка стола для трапезы.

Когда я вставлял затычку обратно в бочонок, позади меня вдруг что-то скрипнуло. Я оглянулся, ожидая увидеть проходящего мимо человека, но в роще никого не было. Зато я увидел... раздвоенную берёзу! Она росла в двух шагах от меня, на её ветвях и в развилке лежали снеговые шапки, как это и положено зимой, и вид у неё был самый обыкновенный. Но ведь её же не было только что! Ведь я осматривал тут всё и проверял все берёзы, даже руками ощупывал! Помняв крепким словом колдовские штучки премудрых Асов во главе с Одином, я решил не откладывать дело в долгий ящик, а просто зашёл за берёзу со стороны рощи, встал на одно колено и взглянул на скалы через развилку, словно прицеливался.

И тут рот мой открылся сам собой от удивления! Проход в скалах был виден, как на ладони, тропа оказалась достаточно широка, чтобы по ней можно было спокойно идти, не задевая плечами каменные стены. Но не это заставило меня замереть, в то время как правая рука сама собой потянулась к рукоятке боевого топора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.